

Владимир Жириновский

12+

Станичники

Владимир Вольфович Жириновский

Станичники

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51334355

SelfPub; 2020

Аннотация

Книга расскажет читателю правду о таком уникальном явлении, как казачество. Здесь нет лжи, только объективные факты, позволяющие читателю самому сформировать взгляд на проблему возрождения казачества.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ПРАВОСЛАВНЫЙ СПЕЦНАЗ	13
КАЗАЦКАЯ ОСНОВА	21
ПЕРВОПРОХОДЦЫ	29
КАЗАКИ СПАСАЮТ МОСКВУ	38
ВОССОЕДИНЕНИЕ С УКРАИНОЙ	53
КАЗАЧИЙ УКЛАД	59
СИБИРСКИЕ ГЕОЛОГИ	70
КАЗАКИ ПИШУТ СУЛТАНУ	74
КАЗАКИ – ГОСУДАРЕВЫ ЛЮДИ	80
СТАНИЦА	89
ПЕРВЫМИ ВОШЛИ В МОСКВУ	104
УДАР В СПИНУ	117
КАЗАЦКИЙ УМ ОСТЁР, КАК ШАШКА	125
КАЗАКИ ПРОТИВ САМУРАЕВ	128
КАЗАКИ ШТУРМУЮТ НЕБО	137
ПРЕДАТЕЛИ И ГЕРОИ	143
КАК ВЫРЕЗАЛИ СТАНИЦЫ	149
КОНИ ПРОТИВ ТАНКОВ	156
КАЗАКИ ЕДУТ ПО БЕРЛИНУ	161
КАК ВЛАСТЬ ОТПЛАТИЛА КАЗАЧЕСТВУ	165
НЕЛЁГКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ КАЗАЧЕСТВА	170

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этой книге использованы материалы русских и украинских авторов, которых объединяет одно: они наиболее честно и объективно писали о таком великом и уникальном историческом явлении, как казачество.

К сожалению, в тысячу раз большее количество авторов (и не только зарубежных!) писали о казаках откровенную ложь. И именно для того чтобы развеять это вранье и открыть людям правду о православных рыцарях Дона, Запорожья, Урала, Северного Кавказа, Сибири и Дальнего Востока, мы представляем на читательский суд «Станичников».

Здесь собран широкий спектр обычаев и укладов жителей казачьих станиц от Запорожья до Дальнего Востока, а также сведения о рождении и развитии такой уникальнейшей социальной группы, как казачество. Другой такой в мировой истории вы не найдёте.

ИСТОКИ КАЗАЦКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Казак (на древнерусском языке козакъ – это вольнонаёмный человек, а в тюркских языках казак – искатель приключений, бродяга, отколовшийся от рода) – уникальная фигура в мировой истории. Это своего рода рыцарь русского пограничья (окраинных земель или, по-старинному, украин).

Главное отличие казачества от большинства других социальных классов Руси – это наличие личной свободы (ни ра-

бами, ни холопами казаки никогда не были) и принадлежность к касте вольных воинов, добровольно присягнувших государям, как в Западной Европе рыцарство присягало своим сюзеренам.

Но если у западных рыцарей сюзереном мог быть любой феодал (барон, граф, маркиз, герцог и проч.), то казаки служили только русским царям. Промежуточной стадии между простым казаком, у которого порой не то что коня, но и сапог не имелось, и государем не имелось.

Первоначально казаки проживали в степях и лесостепях Восточной Европы, в частности на территории современной Украины и России; впоследствии расселились также на территории Среднего и Нижнего Поволжья, Предуралья, современного Казахстана, Сибири и Дальнего Востока.

К концу XIV века в русских землях образовалось несколько крупных казацких сообществ, проживавших в центральной Евразии, возле крупных торговых путей того времени, в частности рек – в низовьях Днепра, Дона, Яика, Волги. К ним присоединилось заметное количество переселенцев из соседних к северу Московского, Литовского и Рязанского Великих княжеств, а также из прочих северо-западных земель.

В результате к началу XVI века две группы выросли в крупные вольные войска (Запорожское и Донское), которые со временем вошли в состав растущего Российского государства.

Согласно «Истории государства Российского» С.М. Соловьева, казаками на Руси издревле называли людей вольных, не связанных никакими обязательствами, готовых к работам по найму и свободно перемещавшихся с места на место.

В XIV-XVI веках именно из среды таких людей князья, бояре и богатые купцы начинают снаряжать промышленные экспедиции в удалённые, малозаселённые регионы Руси с целью разведки новых земель, путей, торговли, охоты (в частности промысла пушнины), рыбной ловли и т.д. «Князья посылали толпы своих промышленников, ватаги, к Белому морю и Северному океану, в страну Терскую и Печёрскую, – пишет Соловьёв, – за рыбою, зверем и птицею: из грамоты великого князя Андрея Александровича узнаём, что уже тогда три ватаги великокняжеские ходили на море со своим ватамманом (ватагаманом, атаманом)». Именно из этих людей возникали первые казачьи дружины. Летописи упоминают даже о такой дружине, которая исполняла роль муниципальной полиции, подрядившись охранять вместо границ кварталы Рязани.

Впрочем, долго за крепостными стенами рязанские казаки не сидели. В 1444 году они приняли участие в битве против татар, приведённых царевичем Мустафою, а через полвека стали оседать военно-промысловыми артелями в открытой степи, в области верхнего Дона, поскольку основу военно-политической организации соседнего Касимовского ханства, поставлявшего военную помощь Московско-

му государству, также составляли казаки, среди которых было много крещённых татар.

Расстрелянный в 1937 году историк казачества М. Худяков в «Очерках по истории Казанского ханства» даже отмечал то, что в структуре военного сословия Казанского ханства основу войска составляли наёмники, именовавшиеся казаками. Аналогичная структура военной организации прослеживается и в других ханствах, возникших в результате распада Золотой Орды.

Более того, немецкий историк Г. Штекль указывает, что среди русских казаков было немало крестившихся и обрусевших татар, «поскольку до конца XV века все казаки, которые обитали как в степях, так и в славянских землях, могли быть только татары. Влияние татар проявлялось во всём – в образе жизни, военных действиях, способах борьбы за существование в условиях степи. Оно распространялось даже на духовную жизнь и внешний облик русских казаков».

Поэтому, когда говорят, например, о войнах Ивана Грозного с остатками Орды, следует понимать, что речь уже идёт не о войне русских с татарами (коих имелось немало у самого царя), а о войне феодального мира христиан с рабовладельческим мусульманским миром (именно поэтому ордынцам активно помогали единоверцы из Турции, а на сторону царя становились выходцы даже из католических стран).

ЗА

ВЕРУ РУССКУЮ!

Большинство источников сходится в том, что идейным стержнем, сплотившим русских и кочевников и давшим им единую культуру и язык, является православие.

Уже первые казацкие дружины (Крым, конец XIII века) в своих неписаных кодексах чести имели две главные заповеди: никогда не отречься от веры Христовой и не предавать товарищей.

В частности, согласно старорусским былинам, относящимся ко времени правления Владимира Великого, богатырь Илья Муромец из-за своей православной веры зовётся «старья козак», а не бродяга или наёмник.

Первые воспоминания западных историков о таких казаках датируются 1489 годом. Во время похода польского короля Яна-Альбрехта на татар дорогу его войску на Подолье «указали казаки-христиане».

В том же году отряды «христианских атаманов» Василия Жилы, Богдана и Голубца напали на Таванскую переправу в низовье Днепра и, разогнав ордынскую стражу, ограбили.

А в XIX-XX веках в официальных документах Российской империи слово «казак» обозначало православного военнослужащего вооружённых сил Российской империи, преимущественно кавалерии и конной артиллерии, и нижний чин казачьих войск. Вот уже два века казак и православный воин на государевой службе – это официальные синонимы.

Впервые казаки выступили в качестве воинов Христа и защитников Руси в 1380 году.

Когда великий князь Московский Дмитрий Иванович собирал рати, готовясь выступить против Мамаю, поддержали его далеко не все русские земли. А вот казаки пришли. Незадолго до битвы, как сообщает «Гребенная летопись», к князю присоединились казаки городков Сиротина и Гребни. «Там в верховьях Дона народ христианский воинского чина живущий, зовимый казаки в радости встречиша великаго князя Дмитрия, со святыми иконы и со кресты поздравляюще ему об избавление своем от супостата и приносяще ему дары от своих сокровищ, иже имеху у себя чудотворные иконы в церквях своих».

Казаки принесли князю Донскую икону Пресвятой Богородицы. После победы уцелевшие казаки подарили икону св. Дмитрию Донскому. Летопись рассказывает, что князь побывал и в казачьих городках, где ему была подарена ещё одна чудотворная икона Божьей Матери – Гребневская (или Гребенская).

Известно также, что казаки сражались против решивших поработить славян рыцарей Тевтонского ордена в битве при Грюнвальде (1410 г.) в составе польско-литовской армии и тем самым спасли русские земли от геноцида (до этого немцы вырезали славян на всей территории Пруссии и собирались продолжить «зачистку» белорусских и новгородских земель).

После той победы Золотая Орда стала разваливаться. Но вместе с ней рухнул весь внутренний порядок русских окра-

ин. Обслуживание там тех же переправ, паромов, постоянных дворов, ямских станций, чем обычно и занималось казачество, больше никого не интересовало.

Конечно, при известных навыках человек может прокормиться за счёт охоты, рыболовства. Но надо же и одеться, обуться, откуда-то взять оружие, орудия труда... В конце XIV – начале XV века на границах русских княжеств отмечалось появление «бездомного люда». Не только казаков. Из погрязших в междоусобицах ордынских владений уходили жившие там крестьяне, ремесленники, разорившиеся торговцы.

Неплохим пристанищем у казаков считались и богатые торговые города Кафа (Феодосия), Сугдея (Судак), Тана (Азов). Умирающая Византия отдала их генуэзцам, которые пользовались наемными воинами и хорошо платили. В уставе Кафы (1449 г.) п. 66 гласил: «Если случится, что будет взята какая-нибудь добыча на суше казаками, или оргузиями, или кафскими людьми», запрещалось отбирать её и взимать с неё налоги. В уставах Солдаи и Чембало требовалось, чтобы казаки, если возьмут добычу, выделяли четвертую часть консулу города, а остальные три четверти делились пополам между казаками и городской общиной.

Венецианец Барбаро, живший в 1436-1452 годах в Крыму и на Руси, писал: «В городах Приазовья и Азове жил народ, называвшийся казаки, исповедовавший христианскую веру и говоривший на русском языке». Он указывал на то, что они

имели выборных предводителей.

В 1444 году летописи говорят о рязанских казаках – зимой вторглись татары под предводительством ордынского царевича, казаки выступили против них на «артах» (легких санях или лыжах) и отбили нападение.

Между тем Золотая Орда совсем развалилась. Зато Русь под властью Ивана III стала могучей державой и мировым центром Православия. Она преодолела удельную систему, превратившись в мощную единую державу. В ходе противостояния с Ахматом сбросила остатки ордынской зависимости. Россия начала теснить Литву, отобрав у неё Вязьму, Чернигов, Рыльск, Новгород-Северский. И в этот период стал активно заселяться Дон.

И в степях ситуация менялась. Основная часть татар теперь тяготела к центрам ханств, а в Диком Поле вместо крупных орд остались рассеянные кочевья и шайки. И некоторые из казаков находили возможным рискнуть. К ним присоединялись другие жители порубежья из самых крутых и отчаянных – и тоже становились казаками. Селились по верховьям Дона, по Вороне, Хопру, Медведице, что давало возможность и вольную жизнь вести, и поддерживать связи с русским приграничьем, торговать там, покупать необходимые вещи.

Азов же после истребления и изгнания генуэзцев очутился на краю Османской империи, у властей до него долгое время руки не доходили. Местные казаки стали считать его сво-

ей «столицей», жили в полной воле, не подчиняясь никому, нападали на турок и их вассалов. Наконец, в 1502 году султан повелел крымскому хану Менгли-Гирею навести порядок, а «всех лихих пашей казачьих и казаков доставить в Царьград». Хан предпринял экспедицию и занял Азов. А казаки отступили от устья Дона вверх по реке, основав свои городки.

Сами по себе казачьи сообщества не были централизованными. Городки и станицы (изначально станицами назывались не населённые пункты, а отряды) существовали независимо, избирали собственных атаманов. А объединялись и ставили над собой общего руководителя только на время совместных предприятий. Единственным, что объединяло всех, была православная вера.

ПРАВОСЛАВНЫЙ СПЕЦНАЗ

Московская Русь зарождалась и росла как государство централизованное. Еще с Дмитрия Донского она каждое лето выводила войска на Окский рубеж.

А при Василии III начали строиться гигантские фортификационные сооружения – засечные черты. В лесах рубились сплошные завалы из деревьев, на открытых местах копались ров и насыпался вал с палисадами.

Эти укрепления тянулись по линии Болхов-Белёв-Одоев-Тула-Венёв-Рязань. Прикрыть такую протяжённость войсками было невозможно, но засечные черты являлись препятствием для конницы. Ей приходилось останавливаться, рубить проходы или штурмовать города-крепости, что давало возможность стянуть силы на угрожаемый участок.

А для службы на засечных чертах правительство стало привлекать казаков. И тех, кто уже раньше осел в русском приграничье, и вольных. Им давали места для поселения, освобождали от податей, платили жалованье, а они за это выставляли посты, высылали разъезды, составляли гарнизоны укреплённых слобод и городов.

Так возникло служилое казачество, прикрывшее Рязанскую, Рязско-Сапожковскую, Липскую засеки. Служилые казаки имели связи и с донскими, присылавшими предупреждения об опасности.

Официальная организация казачества началась при Иване Грозном. В 1540-х годах против России развернулась настоящая необъявленная война.

Боярское правление при малолетнем Иване IV принесло стране массу злоупотреблений, раздраз, смуты. Казна разворывалась. Пошёл развал в армии. Засечные черты остались недостроенными. А Крым и Турция не преминули воспользоваться такой ситуацией, чтобы подмять Московское государство. Крымцы опять усадили своего ставленника на престол Казани, подчинили Астрахань.

Образовался единый фронт, охватывающий Русь полукольцом. Набеги резко активизировались. Современник писал: «Рязанская земля и Северская крымским мечом погублены, Низовская же земля вся, Галич и Устюг и Вятка и Пермь от казанцев запусте». Дошло уже и до того, что Казань требовала платить «выход» – такой же, как когда-то Золотой Орде.

А крымский Сахиб-Гирей прямо писал царю, что турецкий султан «вселенную покорил», и «дай Боже нам ему твоя земля показать». В походе крымцев на Русь в 1541 году участвовали не только татары и ногаи, но и «турского царя люди с пушками и с пищальми».

Становилось ясно, что петлю, стягивающуюся вокруг Москвы, надо решительно разрубить. И самостоятельное правление Ивана Грозного началось с Казанской войны. Реорганизовывалась и усиливалась армия, она состояла из по-

местной конницы – бояр, дворян и детей боярских (мелкопоместных дворян), формировались полки регулярной пехоты, стрельцов. Войско включало и казаков, как служилых, так и вольных, – их нанимали за плату отрядами во главе со своими выборными атаманами.

Но первые походы на Казань в 1547 и 1550 годах были неудачными. Тогда царь изменил тактику. Весной 1551 года была построена крепость Свияжск. Небольшая. Поэтому казанцы ей не придали значения. Однако в крепости вместе с гарнизоном были размещены казаки. Они перекрыли «сторожами» сообщение между Казанью и Крымом, несколькими рейдами привели «под государеву руку» окрестные племена горной (правобережной) черемисы. И уже вместе с черемисами начали «на луговую (левобережную) сторону ходити воевать и языков добывать».

Казаки в этой кампании участвовали очень активно. Именно тогда казаки стали, говоря современным языком, спецназом русской армии.

В начале XVII века на Дону ещё помнили подлинные события и писали: «В которое время царь Иван стоял под Казанью, и по его государеву указу атаманы и казаки выходили з Дону и с Волги и с Яика и с Терека». А возглавил их атаман Сусар Фёдоров.

Отсюда видно, во-первых, что к середине XVI века казаки уже жили и промышляли на перечисленных реках; во-вторых, что Москва, несмотря на дипломатические отговорки

перед татарами, поддерживала с казаками неплохие отношения; а в-третьих, что сами казаки на различных реках были связаны между собой.

Осада Казани была очень трудной. Исламские священники призвали «всех правоверных» биться с «неверными», пообещав всем погибшим рай с гуриями.

Город жестоко сопротивлялся православной рати. Но в день Покрова Пресвятой Богородицы, 2 октября, были взорваны мины, и летопись сообщает, как пошли на штурм «многие атаманы и казаки, и стрельцы, и многие дети боярские, и охотники». Казань пала. За проявленный героизм казакам, первым ворвавшимся в город, Иван Грозный пожаловал в вечное владение реку Дон со всеми притоками.

И именно в связи с Казанским взятием Покров Пресвятой Богородицы стал почитаться у казаков особенным, своим праздником общим – ведь в этой войне впервые выступили вместе донские, терские, волжские, яицкие и днепровские казаки. А значит, эту дату, Покров Пресвятой Богородицы в 1552 году, наверное, правомочно рассматривать как некую точку отсчёта, как дату рождения российского казачества.

Многие современные исследователи, литераторы и деятели искусства отождествляют казаков с лёгкой конницей, то есть с родом войск. И в итоге ряд «мудрецов» договаривается до вывода: дескать, в современной войне лёгкая конница не нужна, поэтому и казачество не имеет будущего.

Однако в действительности казаки были конницей дале-

ко не всегда. Изначально они были пехотой и десантниками. Для табунов нужны пастбища, а степь ещё принадлежала татарам. В кавалерийских боях с крупными отрядами степняков шансов на победу у казаков было мало. Как и на то, чтобы уйти на конях от татарской погони.

Лошади имелись у служилых казаков – для разъездов, сторожевой службы. Вольные казаки тоже умели ездить верхом (как и все тогдашние русские), но использовали коней ограниченно – находясь на службе, для отдельных рейдов и дальних переездов (для чего их угоняли у татар).

А главным транспортным средством являлась лодка. И операции чаще всего осуществлялись на лодках. Скрытно подплыть, внезапно высадиться, ударить, а потом отчалили – и попробуй достань на воде. И исчезли в сплетениях рек и проток.

Основной тактикой была стрелковая. Казаки учились владеть оружием с детства и славились исключительной меткостью. Что и не удивительно, ведь пропитание добывали охотой. Причём в середине XVI века огнестрельное вооружение применялось ещё не слишком широко, но казаки всеми силами стремились обзавестись им – захватить, купить, выменять. И выделялись именно как мастера «огненного боя», оснащённость оружием была в среднем выше, чем в российской или европейских армиях. В морских столкновениях или при десантировании один борт лодки стрелял, другой перезаряжал ружья. Сметали врага огнём, а потом бросались

в сабли.

А на суше казаки проявляли себя отличными фортификаторами. Первым делом старались огородиться, очень быстро возводили «острожки» (иностранцы называют их фортами). Или засекались завалом срубленных деревьев, делали кольцо из телег. Провоцировали противника на атаку, из-за укрытий косили пулями и стрелами, а потом довершали дело решительной контратакой.

Подобную роль играли и укрепления казачьих городков. Преодолеть их вражеская конница не могла. А спешившись, татары в значительной мере теряли боевые качества. Казаки отстреливались, наносили им урон. А вести планомерную осаду, глядишь, и не станут – добыча небольшая, а серьезные потери гарантированы.

Кстати, своя табель о рангах (атаманы, есаулы, старшины и проч.) сформировалась у казаков независимо от государственной службы. Она тоже диктовалась именно характером спецопераций: чтобы при необходимости быстро сорганизоваться, определить, кто из наличных казаков возглавит отряд.

К этому времени казачество, выработавшее свою особую психологию, традиции, поведенческие стереотипы, приобрело признаки народа. Однако отдельным этносом не стало.

С русскими казаков связывало православие. А по понятиям той эпохи «православный» было тождественно слову «русский». Все православные украинцы называли себя рус-

скими.

И человек любого этноса, принимая православное крещение, становился русским, с ним обращались как с полноправным русским. Таким образом, казачество стало субэтносом, «народом внутри народа». Впрочем, ведь и сам по себе великорусский этнос в XV-XVI веках только ещё формировался, объединяя в одно целое значительно отличавшиеся общности москвитян, новгородцев, рязанцев, смолян, северюков, финские племена мерян, муромы, чудь, служилых татар, «литву» и т.д.

Но при слиянии особенности всех этих компонентов стирались, а у казаков, наоборот, утверждались и укреплялись. Почему?

Тут надо учитывать, что образование любого нового народа – процесс не только благотворный, но и отнюдь не безболезненный.

Самые активные, энергичные люди могут противиться «унификации». Они становятся тормозом на пути объективного процесса и, как правило, погибают, – это происходило в феодальных и религиозных междоусобицах Западной Европы, Арабского халифата, Индии, Балканских стран.

Однако в условиях России нашлась готовая древняя структура – казачество, которая нуждалась именно в таких людях! Вбирала их в себя. И им она вполне подходила, они дали старой форме новое наполнение.

Таким образом, формирование великорусского этноса и

казачества шло одновременно, было двуединым процессом. Случай в мировой истории уникальный, оттого и не удастся втиснуть казаков в какую бы то ни было стандартную классификацию.

Особенностью двуединого процесса стало и то, что казаки не отделяли себя от Российского государства (как следовало бы из самой психологии эмигрантов, по версии о «беглых», – так, например, было в Америке, где местные англичане, французы и испанцы не только ненавидели свои метрополии, но и порой вели с ними ожесточенные войны), а, напротив, крепили связи с ним. И ещё одним краеугольным камнем казачьих традиций стал российский патриотизм.

КАЗАЦКАЯ ОСНОВА

На историческую арену казачество вышло весомой силой, в значительной мере сложившейся общностью с уже сформировавшимися традициями – братства, самоуправления.

Такой комплекс вырабатывался в течение долгого времени, веками. Например, обычаи воинского круга были присущи многим древним народам – германским, славянским, есть версия, что и у скифов цари выбирались на кругу. Но от древнерусского веча и земских сходов Средневековой Руси казачий круг значительно отличался как по ритуалу, так и по функциям. Он был не только избирательным, но и высшим законодательным, административным и судебным органом с огромными полномочиями.

Слово «есаул» – тюркское, «хорунжий» – польское, «писарь», «сотник», «судья» – русские. А среди казачьих законов, как уже отмечалось, встречаются и такие, которые действовали ещё в начале нашей эры.

Казачьи обычаи, терминология формировались постепенно, заимствуясь от разных народов. Но они отнюдь не случайны. Казаки и их предки почти всегда жили в экстремальных условиях, и именно для таких условий эти традиции оказывались оптимальными. Без братства, взаимопомощи было нельзя.

Оптимальным являлся и обычай самоорганизации. Ведь

любой народ можно покорить или рассеять, если разбить его войско, убить или пленить князя, хана, – и обезглавленная, беззащитная общность капитулирует или развалится.

Но казаки сами по себе в своей совокупности были войском! И даже если в столкновении с врагом большинство погибнет, но уцелеют хотя бы трое, то они и будут войском. Могут составить круг, выбрать нового атамана и станут костяком для восстановления своей общности. Откуда и поговорка «Казачьему роду нет переводу».

В дореволюционной и советской историографии была внедрена теория, будто казачество составилось из беглых крепостных и неких «воинов-старообрядцев».

Но почему-то никто из авторов таких утверждений не счёл нужным задуматься, что до 1593 года крепостного права на Руси не существовало! И любой крестьянин имел право легально уйти от помещика в Юрьев день.

Церковный же раскол случился только в середине XVII века Казачество же сформировалось задолго до этих дат. И про «воинов-старообрядцев» нет сведений ни в одном письменном источнике того времени.

Да и куда стал бы бежать со своей земли крестьянин, будь он хоть трижды старообрядец? В татарский плен? Дикое Поле потому и значилось «диким», что без умения владеть оружием, без организации и навыков выжить здесь было невозможно. И привычного хозяйства крестьянин тут никак не смог бы вести.

Существуют гипотезы, что казаки составились из тех, кто удрал от царских репрессий, из беглых преступников, из шаек разбойников, выходявших в степь пограбить. Эти версии также не выдерживают критики.

Разве правдоподобно, чтобы пострадавшие и обиженные в России проявляли такую верность ей, отдавали за неё жизни? Скорее, сомкнулись бы с её врагами, как и поступали эмигранты в эпоху Ивана Грозного, некрасовцы и т.п.

Попробуйте представить, возможно ли братство и общая спайка между разномастными разбойничьими бандами? А ведь у казаков это было объединяющим началом – братьями считали друг друга казаки Дона, Днепра, Яика, Терека.

Да, казачество интенсивно пополнялось извне. Но за счёт кого? В основном, жителей приграничья, привычных к условиям военного быта. Примыкали и просто удальцы, «руку правую потешить», удачи поискать.

Давали приток постоянные татарские набеги. Если степняки сожгли деревню, перебили и угнали близких, уцелевший мужик уходил в казаки. У него с татарами были теперь свои счёты. Как и у тех, кто бежал из плена.

Впрочем, присутствовал и «разбойный элемент». Например, новгородские ушкуйники. Когда Иван III присоединил Новгород, переселив в другие земли часть его жителей, взял под контроль Верхнюю Волгу и Север, прежний промысел ушкуйников стал невозможен. И они подались в казачью среду.

Но разрозненные группы и одиночки сплотиться в единое явление под названием «казачество» никак не могли бы. Значит, были и носители традиций. Ими являлись остатки «изначального», древнего казачества.

Они и стали костяком, обраставшим новыми людьми, но обеспечивавшим общность и духовное единение, как и адаптацию к специфическим условиям существования. В XVI-XVII веках любой пришлый сперва становился «товарищем» старого казака, который выступал его наставником, опекуном. И лишь прижившись, зарекомендовав себя, человек признавался полноправным казаком.

А теперь коснёмся сказок о том, будто казаки в допетровские времена не имели связей с женщинами. Это полный бред!

Никаких законов о безбрачии и уж тем более о запрете на связь с женщинами у казаков не существовало, они не были ни аскетами, ни извращенцами! Был всего лишь временный запрет на связь с женщинами, который, как и «сухой закон», действовал только в походах, – вполне здравые требования для поддержания дисциплины.

На Дону ещё до XVI века неоднократно упоминаются сыновья казаков, потомственные казаки – а дети без жён, как известно, не получают. Например, в царской грамоте 1624 года упоминается, что донцы ещё с давних времён имели семьи в российских окраинных городах.

Польские источники сообщают о жёнах днепровских ка-

заков, живших в Черкассах, Каневе, Киеве. Ян Сеннин-ский писал о казаках: «Женщины у них наравне с мужчинами участвуют в военных действиях». Предания гребенцов говорят, что они издревле жили семьями, часто умыкали на женитьбу девушек у горцев. О семьях сообщают и предания уральцев.

А Назаров, сопоставивший прозвища яицких казаков, встречающиеся в документах XVI века, с данными переписей 1632, 1723 годов, метрическими книгами XIX века, выявил четкую преемственность – некоторые прозвища продолжали существовать, превращаясь в фамилии. Кстати, среди прозвищ XVI века нередко встречается «болдыря» – а по казачьей терминологии так называли сына неказака и казачки.

Другой вопрос, что многие казаки и впрямь оставались холостыми, не успевая обзавестись семьёй из-за бурной и непоседливой жизни, или становились вдовцами. Смертность была высокой, а опасность подстерегала каждый час. Один удачный налёт на городок, когда казаки в походе, – и они остались без жён и детей.

Иностранцы посещали Дон уже позже, в начале XVII века. И в своих описаниях отмечали очень большую свободу казачек, их красоту, силу, выносливость, чистоту и опрятность жилищ. Рассказывали и о брачных обычаях.

Постоянных церковных храмов и приходских священников тут ещё не было, и жених приводил невесту на майдан.

Атаман перед лицом всех казаков спрашивал молодых, любви ли они друг дружке, и объявлял мужем и женой.

Лёгким был и развод – казак и его супруга снова приходили на майдан, муж свидетельствовал, что она была хорошей женой, но любви больше нет. И слегка отталкивал её от себя. После чего другой холостяк был вправе накрыть её полой зипуна, предлагая себя в мужья.

Обычай, кстати, весьма архаичные и не славянские. На Руси развод был возможен только при уходе одного из супругов в монастырь.

Впрочем, и в других вопросах отношение казаков к религии имело свою специфику. В России той эпохи чрезвычайное внимание уделялось внешним атрибутам: постам, регулярному посещению храмов, ритуалам праздников и т.п. Казаки были очень набожны, но выполнять эти требования попросту не могли. Как соблюдать посты, если хлеб покупной и не всегда есть, а основу питания составляют мясо и рыба?

Священнослужители казаков зачастую были из расстриг, беглых монахов. Это считалось нормальным, где других взять? Иногда навещали священники, командированные Крутицкой епархией. Но часто их обязанности выполняли «уставщики», избранные из своей среды, – те, кто лучше знает молитвы.

Исповедовались им же или друг другу. А перед боем прикусывали кончик собственной бороды – полагали, что это в какой-то мере заменяет причастие.

Была распространённой и такая форма покаяния, как обеты: искупаться на Крещение, сделать вклад в монастырь. По обетам казаки периодически отправлялись на богомолье в монастыри – то в близлежащие, а то и в далёкие, например, на Поморский Север. «Отмаливали грехи», после чего возвращались к привычному образу жизни. Но если, скажем, купец Афанасий Никитин, будучи за границей, не имел возможности соблюдать посты и службы, сбился с календаря церковных праздников и был от этого в ужасе – писал, что теперь его душа наверняка погибла, то казаки так не считали. Они пребывали в уверенности, что служат Богу по-своему, защищая православных людей от басурман. И Господь это учтёт.

Таким образом, вырабатывалось осознание себя воинами Христовыми. Не в качестве гордыни или претензий на исключительность, а как констатация факта. Воины Христовы, а уж Он разберёт, кто достойно послужил Ему, а кто оказался нерадивым.

Вера стала и одним из краеугольных камней традиций. А вторым была воля. Но здесь надо обратить внимание, что в XIX веке либералы произвели подмену понятий, внедрив вместо «воля» – «свобода». Идеализировалась «борьба за свободу», этот термин стал подразумеваться заведомым благом и противопоставлялся «рабству». А в таком контексте как же не согласиться?

Однако в XVI—XVII веках на Руси слово «свобода» при-

менялось очень редко. В ходу был термин «воля», который совпадает со «свободой» лишь в одном из значений, а в других расходится.

Понятие «свобода» чисто механическое. Так, в физике говорят о «степенях свободы». Одна степень – способность частицы телепаться вдоль одной оси, две степени – по двум осям, три – по всем направлениям, четыре – тело вдобавок может вращаться вокруг одной оси, пять – вокруг двух осей, шесть – если способно перемещаться в пространстве и кувиркаться как угодно.

Термин же «воля», в отличие от «свободы», включает в себя целенаправленное, осмысленное начало. Говорят – «моя воля», в том числе, если сочтено нужным, и воля на то, чтобы ограничить свою свободу. Данное понятие включает и усилие по достижению цели – «волевое усилие», «силу воли».

В наше время можно привести массу примеров, когда люди, юридически вполне свободные, утрачивают собственную волю и живут по манипуляциям пропаганды, бездумно следуют в русле навязанных им стандартов и ценностей. И вот эту разницу важно учитывать для правильного понимания психологии казачества и его истории.

ПЕРВОПРОХОДЦЫ

Взятие Казани стало в истории России столь же важной вехой, как Куликовская битва и Стояние на Угре. Русь уже не только оборонялась от татар, она перешла в наступление! Она красноречиво продемонстрировала свою мощь, и её уважали.

Однако турки и крымцы с успехами России отнюдь не смирились. Их эмиссары стали сеять смуту среди волжских народов, подбивали к восстаниям, обещали поддержку. И в 1556 году изменил астраханский хан Дервиш-Али. К нему из Крыма пришла тысяча конников и янычар, русские, находившиеся в городе, были вероломно перебиты. Отряд воеводы Мансурова, прикрывавший Переволоку, под ударами неприятеля отступил к донским казакам в городок Зимьево.

Иван Грозный стал собирать против Астрахани рать под командованием воевод Черемисинова и Писемского. Отличился в этот раз донской атаман Ляпун Филимонов. Он понял, насколько важно не упустить время, пока астраханцы не изготавились к обороне.

И казаки напали на врага, не дожидаясь воевод. Погромили улусы, нанесли жестокое поражение воинству. Среди астраханцев началась паника, они перепугались мести за содеянное. И прибывшее русское войско нашло город пустым. Многих «бегавших» астраханцев взяли в плен ногайцы, Дер-

виш-Али удрал в Крым. А Астрахань окончательно вошла в российские владения.

В 1563 году царь предпринял победоносный поход на занятый поляками Полоцк – в составе его армии числилось 6 тысяч казаков-государственников, служилых и вольных. Но затем война стала приобретать затяжной характер. Победы чередовались с неудачами. Росли потери, истощались средства и ресурсы. Этим в полной мере воспользовался крымский хан. Его набеги опустошали Мценск, Северщину, Рязанщину.

На Кавказе ногайцы стали теснить кабардинцев. Царский тесть Темрюк Идарович Сунжалей обратился за помощью к зятю, и в 1567 году в устье Сунжи была построена первая русская крепость на Кавказе – Терский городок. Сюда прибыл отряд стрельцов, на службу привлекались и гребенские казаки.

Однако для активной войны на нескольких фронтах сил не хватало. Царские рати, прикрывавшие южные рубежи, становились всё слабее. Да и из казаков значительная часть отвлекалась в Польшу и Ливонию.

А татары теперь старались отыграться. Нападали на донские городки, захватывали жён и детей. Если же удавалось поймать казаков, в плен их уводили редко. Понимали, что «хороших» рабов из них не получится, и подвергали страшным казням. Сдирали кожу, сажали на кол, зарывали заживо. Но казаки держались, осаживали врага.

В этих схватках выдвинулся один из величайших героев Дона – атаман Михаил Черкашин. Судя по прозвищу, он мог быть из украинских казаков, а мог быть и из терских, часто роднившихся с «черкасами». Но в российские документы раз за разом попадали сведения о его подвигах.

Именно с ним связано первое упоминание о выходе донцов в море – в 1556 году отряд Черкашина погромил окрестности Керчи. В 1559 году, по записям Разрядного приказа, атаман разбил крымцев в верховьях Северского Донца, прислав «языков» в Москву. Казаки верили в его удачу, считали его «характерником» (чародеем) – полагали, что он может и пули, и ядра заговаривать. Но Черкашин был не просто удачливым атаманом. С его именем связано и объединение Войска Донского.

И в других регионах России казаки начали объединяться, готовясь создать свои республики.

Однако этому процессу помешал рост напряжённости в центральной России. Там в считанные месяцы втрое выросли налоги, крестьяне стремительно разорялись. В 1566-1567 годах по стране прокатилась эпидемия чумы, унесшая множество жизней.

А меры царя по укреплению центральной власти вызывали недовольство бояр. Они изменяли, строили заговоры. В ответ следовали репрессии. Но при этом вассалы и дружинники опальных вельмож тоже оказывались обиженными, дезертировали, бежали за рубеж. Россия и казацкие земли вме-

сте с ней неумолимо дрейфовали к смуте – гражданской войне и интервенции.

И неизвестно, смогла бы устоять в этой смуте Русь, если бы не серьёзная экономическая поддержка из земель, завоеванных казаками за Уралом.

Ермак Тимофеевич – единственный атаман, которого называли по имени-отчеству. Он находился на царской службе до начала 1582 года, когда было заключено перемирие с Польшей. Часть его отряда вернулась на Дон, часть пошла с атаманом на восток.

Во владения энергичных промышленников Строгановых, страдающих от набегов инородцев, казаки Ермака прибыли вовремя. Набег пелымцев в прошлом году был всего лишь разведкой боем. А летом 1582 года. Кучум направил на Пермь большое войско во главе с царевичем Алеем – бухарскую гвардию, ногайцев, башкир, отряды своих мурз. И первое сражение казаки выдержали у Чусовского городка, отбив врага. А Алей, получив здесь крепкий отпор, повернул на север, на Соль-Камскую.

Враги ворвались в посад, учинив бойню, подожгли город (после этого в Соли-Камской 200 лет устраивали крестный ход к братским могилам). Отсюда Алей двинулся ещё севернее и осадил Чердынь, главную русскую крепость в Пермском крае. И вот этим-то воспользовался Ермак Тимофеевич.

Нет, не Строгановы организовывали его поход. Для них

главным была защита своих владений. Это была истинно казачья тактика – пока главные силы сибирцев бродили по Пермскому краю, представилась уникальная возможность нанести смертельный удар прямо в сердце их ханства!

Сохранились сведения, как казаки угрозами вытрясли из Максима Строганова припасы и снаряжение. Взяли местных проводников и 1 сентября выступили. Отряд насчитывал 540 человек, имел на вооружении три малокалиберные пушки и 300 пищалей.

Чердынь еле отбилась. И воевода Пелепелицын, тот самый, что уже пострадал от казаков, послал в Москву донос. Мол, Строгановы не помогли, вместо этого отправили казаков в Сибирь.

Царь осерчал. В этот момент правительство всеми мерами старалось не спровоцировать новых войн, и на Каму пошла гневная грамота. Строгановым нагорело за то, что они призвали «воров». Но о том, чтобы их перевешать, не упоминалось – царь приказывал под страхом «большой опалы» использовать казаков «для оберегания пермских мест». И именно эта грамота, датированная 6 декабря 1582 года, принята для становления сибирского войска.

Впрочем, грамота опоздала. Когда она писалась, Ку-чум уже был разгромлен. Не было трёхлетнего похода на Кашлык с зимовками, многими сражениями и поочерёдным прогрызанием линий обороны.

Такой поход, воспетый потом в легендах, оказался бы не

по силам никаким героям. Был стремительный рейд, очень тяжёлый и напряжённый. Нужно было и опередить Алея с его ратью, и успеть до ледостава.

С Чусовой флотилия поднялась по её притоку, Серебрянке. Здесь, на перевале Уральских гор, пришлось бросить несколько тяжёлых стругов. Лёгкие перетасили волоком в реку Журавлик. А дальше сплавливались уже по сибирским рекам: Баранчук, Тагил, Тура, Тобол.

Были стычки с противником у «Епанчиной деревни», в юрте Карачи, и Кучум узнал о появлении казаков. Но не придал этому должного значения – ну пограбят и уйдут. Что может сделать горстка людей против целого царства?

Но они быстро приближались, и хан принялся собирать войско, поручив командование брату Маметкулу. Столица ханства Кашлык не являлась в полном смысле слова городом. Это было небольшое укрепление на холме, где располагались ставка царя. Поэтому оборону организовали у подножия холма, на Чувашевом мысу. Соорудили засеку, построили воинов.

Когда струги Ермака вышли на Иртыш к Кашлыку, казаки увидели огромную рать, и многие невольно оробели, «восхотеша в нощи бежати». Атаман велел отойти в безопасное место и провёл круг.

Отступление было, в общем-то, уже невозможно. Стояла поздняя осень. Вот-вот сибирские реки начнут замерзать, и отряд не успел бы уйти за Урал. Оставалось победить или

погибнуть. Круг решил атаковать.

В день св. Дмитрия Солунского, 26 октября струги ринулись на штурм. Противников и впрямь было очень много, но это были не лучшие дружины Кучума – они ещё не вернулись с Руси. Это было наспех собранное ополчение разных племён. Огнём казаки отогнали врагов, высадили десант. У засеки атака захлебнулась, штурмующих засыпали стрелами. Казаки остановились, стали откатываться к воде.

Но не исключено, что это делалось нарочно, – Маметкул велел делать проходы в засеке и контратаковать. А как только враги высыпали из-за укрытий, они стали хорошей мишенью. Получили несколько залпов, и разношерстная рать побежала. Маметкул, пытаясь навести порядок, был ранен, что усилило панику. А казаки ринулись в новую атаку. Кашлык был взят.

Кучум бежал. Но уступать не собирался. Он сохранил свои главные силы, подошло войско Алея. Захваченную столицу окружили, скрытно наблюдали за ней. А казакам требовалось пополнить припасы. Они узнали о хороших рыбных ловах на оз. Абалак, и туда отправился отряд под предводительством Богдана Брязги.

Неприятели напали на него и истребили полностью. Получив об этом сведения, Ермак немедленно вывел всех казаков. Это был рискованный, но единственно верный шаг – иначе кучумовцы, ободрившись победой, блокировали бы Кашлык. У озера Абалак 5 декабря произошло тяжёлое и

кровопролитное сражение, «брань велия на мног час». Подробности мы не знаем. Известно лишь, что казаки понесли серьёзные потери, но победили.

И вот после этого держава Кучума посыпалась, как карточный домик. Местные племена вышли из повиновения узурпатору. Некоторые перешли на сторону русских, повезли в Кашлык дичь, рыбу, ясак – дань мехами. Против Кучума выступил Сеид-хан, племянник свергнутого Едигера.

Казаки на кругу решили – обратиться в Москву и «передать Сибирь» царю. По весне выехала станица из 25 человек. В Посольском приказе и записях Чудова монастыря, получившего вклады казаков, зафиксированы имена атаманов посольства: Александр Иванов по прозвищу Черкас и Савва Болдыря.

Возвращаться прежней дорогой значило 1200 км грести против течения, и от местных жителей узнали более лёгкий обратный путь, вниз по Иртышу и Оби, а «через Камень прошли Собыю же рекой в Пусто-озеро».

В Москву прибыли летом или осенью 1583 года Иван Грозный жаловал казаков «деньгами и сукнами», а Ермака и атаманов «золотыми». Царь собирался немедленно послать подмогу, но убедился, что зимний поход через горы нереален, и отложил его на весну. А в марте он умер. И всё пошло через пень-колоду. Черкаса и Болдырю правительство задержало в Москве как консультантов по сибирским делам. А за Урал направило Семена Болховского, Ивана Киреева и Ива-

на Глухова, выделив им всего 300 стрельцов, да и то две сотни предписывалось набрать самим.

Казалось, все беды позади. Но подмоги казакам из России не было, и Ермак не знал, когда она придёт. А местные жители жаловались, что Кучум, обосновавшись в южных степях, не пропускает бухарских купцов. Роль торговли со Средней Азией была в Сибири очень велика. Оттуда в обмен на меха поступали ткани, хлеб, рис. И Ермак, оставив в Кашлыке Глухова с уцелевшими стрельцами, предпринял свой последний поход, к верховьям Иртыша. Опять с боями, приводя в подчинение здешних князьков.

Кзаки осадили крепость Кулары, но взять не смогли. Ермак ободрял соратников, ничего, мол, на обратном пути «приберём». Дошли до Шиш-реки, но возвращались уже «прогребаючи все городки и волости». Не исключено, что у казаков кончались боеприпасы.

Ночью 5 августа 1585 года татары скрытно подобрались к лагерю и ударили. Ермак был тяжело ранен и, бросившись вплавь за судами, утонул. Но заводы Строгановых заработали, и дань покорённых сибирских народов пошла в русскую казну.

КАЗАКИ СПАСАЮТ МОСКВУ

А на Руси тем временем начались неурядицы, связанные со смертью Ивана Грозного. При новом царе Фёдоре Иоанновиче власть крепко взял в руки Борис Годунов. При нём вырос авторитет Москвы на международной арене. Через Константинопольского патриарха, получавшего от царя денежную помощь, удалось добиться учреждения Московской патриархии.

Но в стране стали нарастать и противоречия. Годунов был первым в нашей истории «западником» и принялся проводить «европейские» реформы.

Первым делом, по примеру польских правителей, он решил подмять казаков, обратить их в обычных подданных. В 1593 году на Дон был направлен приказ «жить в мире с азовцами», отпустить пленных. А управлять казаками отныне должен был царский уполномоченный, на этот пост назначался дворянин Пётр Хрущёв.

Круг возмутился и дал Хрущёву от ворот поворот. Годунов осерчал, и от имени царя послал с князем Волконским вторую грамоту. За конфликты с Крымом правительство угрожало опалами, казнями, обещало послать войска и согнать казаков с Дона, причём действовать против них вместе с турками. Правда, угрозы дополнялись и обычными приказами по службе – сопровождать посла в Азов, выслать

разведку «на Арасланов улус добывать языков», «про ханское умышление проведать». И некоторые казаки соглашались исполнить повеления.

Но в это время прибыл из Москвы казак Нехорошко Картавый и сообщил, что власти прижали донцов, которые находились на царской службе, перестали платить жалованье, «корму не дают», но и на Дон не пускают, «а иных в холопи отдают». Тут уж казаки совсем оскорбились, «показать службу» отказались и даже охраны Волконскому не дали.

Количество сторонников независимости от Москвы среди казаков стремительно росло. Но вместо того чтобы договориться с ними, Годунов попытался силой принудить их к покорности. Запретил казакам появляться в русских городах, где у многих были семьи и где они торговали. Воеводам предписывалось сажать их в тюрьму, кого поймали – казнили. Против казаков даже началось строительство крепости (Царёв-Борисов на Северском Донце).

Кроме того, стали создаваться отряды добровольцев, чтобы нападать, отлавливать казаков, для этого привлекались даже «воровские» банды. Так, некий атаман Болдырь совершил несколько рейдов на Медведицу, хватая казаков, за что получил награду.

Но карательные акции вызвали вовсе не ту реакцию, на которую рассчитывал Годунов. В ходе борьбы против турок и татар у казаков Дона установились прочные связи с запо-

рожцами. Несмотря на разное подданство, те и другие казаки считали себя братьями, помогали друг другу, предпринимали совместные походы. Теперь и на донцов, и на запорожцев катились гонения, и они заключили договор «стоять за один».

И на нападения казаки ответили адекватно, ударили на Воронеж и сожгли его. Фактически смута началась не с Москвы, а с Дона и Запорожья.

Впрочем, Годунов испортил отношения не только с казаками. Он ухитрился подгадить всем слоям населения. Крестьяне на Руси были вольными. Но по образцу Польши, Прибалтики, Германии власти решили закрепостить их. И в 1593 году было отменено право ухода от помещиков на Юрьев день, а в 1597 году на Руси учредили общегосударственную структуру по «сыску беглых». Мало того, ещё был принят закон, что любой вольный человек, проработавший полгода по найму, превращался в потомственного холопа.

Начались страшные злоупотребления. Царские приближённые, бояре, дворяне заманивали мастеровых, даже хватали людей на дорогах, вымогая кабальные записи.

В 1598 году Годунов через Земский Собор обеспечил свое избрание царём. Но чувствовал себя на троне непрочно и развернул репрессии против возможных соперников. Опасаясь заговоров, Годунов внедрил повальное доношение – холоп, донёсший на дворянина, получал его поместье. Города наводнили шпионы.

Пострадали и купцы, посадские. Годунов увеличил налоги и ввёл западную систему отдавать их на откуп частным лицам. Этим тоже пользовались его клеветы, обирая народ и разоряя торговцев.

А в 1601-1602 годах случился двухлетний неурожай. Начался голод. В одной только Москве в общих могилах погребли 127 тысяч умерших. Хозяева распускали крепостных, которых нечем было кормить, другие разбегались сами, погибали, бродяжничали.

В 1604 году на Русь выступили 3 тысячи шляхты и 2 тысячи запорожцев во главе с «царевичем Дмитрием» – Лжедмитрием I. И едва он перешёл границу, на его сторону стали переходить города – Моравск, Чернигов, Путивль, Кромы, Рыльск, Севск, Белгород, Курск... Поддержало Самозванца и остальное казачество.

Впрочем, при описании Смуты часто бывает неясно, о каких именно казаках идёт речь. Скорее всего, речь идет просто о разбойничьих шайках. Хронисты пишут, что сторону Лжедмитрия приняли вооружённые крестьяне, которые именовали себя «казаками», не будучи ими.

Так что те из историков, кто говорит о широкой поддержке Самозванца казаками, либо врут, либо заблуждаются. Например, некоторые из авторов исторических хроник пишут, что к Самозванцу «пришли 12 тыс. конных запорожцев» – цифра абсолютно нереальная. Сечь вместе с женатыми «зимовыми»ставляла лишь 6 тысяч, из них 1,5-2 тысячи кон-

НЫХ.

Очевидно, это были смешанные войска, среди которых было немало кочевников-изгоев, которые, узнав об успехах Самозванца, хлынули к нему в надежде на добычу и награды.

И в январе 1605 года в битве у Добрыничей эти мнимые «запорожцы» при первом же натиске царских войск кинулись наутёк, воеводам осталось только гнать и рубить их.

Так что успех Самозванца определили не казаки, а то, что вся страна ненавидела Годунова. Его ратники геройствовать и погибать ради него не стремились. А 15 апреля царь умер, оставив престол сыну Фёдору. Тут же среди войска и бояр возникли заговоры, ставившие целью с помощью Лжедмитрия избавиться от Годуновых.

Федор был свергнут и убит. И Самозванец торжественно воцарился в Москве. Но бояре не для того свергали Годуновых, чтоб посадить себе на шею безродного пройдоху, и стали готовить переворот.

В мае 1605 года на свадьбу Лжедмитрия и Марины Мнишек понаехали тысячи поляков. Вели себя по-хозяйски, безобразничали, задирали русских, насиловали женщин, даже из знатных родов. И москвичи охотно поддержали заговорщиков. Самозванец был убит. Царём стал Василий Шуйский. Был низложен и поставленный Лжедмитрием патриарх, грек Игнатий. Его место занял митрополит Казанский Гермоген. Он был из донских казаков, прославился как строгий ревнитель веры, а в царствование Самозванца не боялся обличать

его.

Но положение в стране уже вышло из-под контроля. Поднялась вторая волна Смуты – восстание Болотникова. В этом движении против рода Шуйских объединились самые разные силы – дворяне, казаки, крестьяне.

Но сам Болотников, будучи бывшим холопом, сделал опору на холопов и крестьян. Призывал истреблять помещиков, жечь и грабить усадьбы. И в результате таких безобразий казаки и дворянская часть повстанцев перешла на сторону царя. Оставшиеся у Болотникова толпы сброда были мигом разгромлены.

Но уже поднималась третья волна Смуты! По Польше распространялись легенды о богатствах Руси, о слабости ее войск. И группа панов смекнула, что если нового Самозванца нет, его нужно создать. Появился Лжедмитрий II. На эту роль определили еврея Богданко, учителя из Шклова.

Под знаменами нового принца «Дмитрия» собрались отряды польской шляхты, которую возглавил князь Ружинский, полковник Лисовский привёл украинских казаков, Заруцкий – донских. Это был уже не сброд, а профессионалы. И войско, одерживая победы, в 1608 году подступило к Москве. Взять её не смогло и остановилось в Тушине, осадив столицу.

Теперь дело выглядело куда более солидно, чем у Болотникова. Лжедмитрию стали присягать города, покорилась большая часть России. К нему стали перебегать представите-

ли знати. Он жаловал их поместьями, чинами, при нем возникла «боярская дума» во главе с Михаилом Салтыковым и Дмитрием Трубецким. А когда из Ростова привезли пленного Филарета Романова, Самозванец сделал его своим «патриархом». Хотя на самом деле вес Лжедмитрия II был нулевым. В Тушине всем заправляли поляки.

Тогда Самозванец обратился за помощью в Крым – и татары явились. Но воевать не стали, а погромили окрестности Рязани, Серпухова, Коломны и ушли, угоняя в полон десятки тысяч молодых русских женщин и мужчин.

Ослаблением Руси решил воспользоваться польский король. Причём придворный идеолог Пальчевский выпустил труд о том, что Россия должна стать «польским Новым Светом»: русских «еретиков» надо перекрестить и так же обратить в рабов, как испанцы индейцев. В 1609 году армия Сигизмунда подступила к Смоленску.

От Самозванца поляки быстренько отделались и заставили русскую знать принести присягу польскому принцу Владиславу. Но она ничего не дала России, кроме новых бед. С одной стороны, теперь повод для экспансии получили шведы, принялись захватывать русские города. А с другой – и города, впустившие поляков, подвергались от них грабёжам и разорению. Повсюду бесчинствовали отряды шляхты, немецких и венгерских наёмников, ордынцев. Убивали, угоняли в плен, истязали людей, вымогая деньги.

И народ стал подниматься на борьбу. Вдохновителем её

стал патриарх Гермоген. Его держали в заточении, всячески притесняли, требуя призвать людей к покорности. Он отвечал, что если поляки не исполнят условий прежнего договора, то он благословит восстание. У него отобрали бумагу, всех слуг. Но казачьи атаманы Андрей Просовецкий и Миша Черкашин пробрались к нему. И через них патриарх известил, что освобождает Россию от присяги Владиславу, и призывал: «Мужайтесь и вооружайтесь и совет между собой чините, как бы нам от всех врагов избыти. Время подвига пришло!»

Весной 1611 года войско русских патриотов, основу которого составляли казаки, двинулись к Москве. И поляки, поняв, что во враждебно настроенном городе обороняться не смогут, приняли варварское решение – сжечь Москву. 19 марта возникла драка между солдатами и москвичами.

Польский комендант Гонсевский бросил на безоружный люд наёмников, учинивших жуткую резню. А когда горожане сорганизовались к сопротивлению, враги начали поджигать дома. Поляки засели во внутренних крепостях – Кремле и Китай-городе. А остальная Москва превратилась в пепелище. В огне погибло, по разным оценкам, до 300 тысяч человек.

В это время к городу подошло Первое земское ополчение, ядро которого составляли казаки-патриоты. Поляки попали в капкан.

Но они провернули интригу. От имени лидера казаков Ля-

пунова было изготовлено поддельное письмо, где он якобы требовал истребления части казаков.

Фальшивку подкинули казакам. Её зачитали на кругу, народ забушевал и вызвал Ляпунова. Он отрицал своё авторство, но возбуждённые казаки не стали его слушать и изрубали саблями.

После гибели предводителя ополчение разбежалось. Остались лишь казаки, поклявшиеся сражаться против поляков до последней капли крови.

А между тем к полякам подошло подкрепление – свежий корпус кровавого садиста Сапеги. Он прошёл по Руси, отметившись страшными зверствами. Чтобы выбить из русских деньги и провиант, поляки сжигали русских, сажали их на кол, рубили руки, ноги, а женщинам резали груди.

Набрав обоз продовольствия, корпус Сапеги ударил по осаждавшему извне, гарнизон интервентов предпринял вылазку из Москвы, и кольцо было прорвано. С этого момента полной блокады больше не было.

Казаков было мало, не хватало для решительного штурма, и они осаждали Москву только с востока и юга.

Но тут на помощь пришли простые москвичи. Они помогли казакам капитально обосноваться на своих позициях. Казаки понастроили острожки, соорудили «лавы» – наплавной мост через Москву-реку. А 15 сентября установили батарею мортир и стали обстреливать захваченный оккупантами Китай-город калёными ядрами.

Одно попало в сарай с сеном, и оно запылало. Поляки бежали в Кремль, а казаки полезли на стены. Но и сами не смогли продвинуться из-за пожара, охватившего весь Китай-город. А потом оккупанты согнали их со стены огнём артиллерии.

Однако выжгли Китай-город казаки очень кстати. К Москве из Смоленска вёл войско литовский гетман Ходкевич. Теперь же оказалось, что в столице ему разместиться негде.

Ходкевич хотел было решить проблему иначе – уничтожить казаков. Вывел 10 тысяч воинов и атаковал острожки у Язуы.

Но не тут-то было. Казаки уклонялись от рукопашной и осыпали врага пулями из-за укреплений, из-за торчавших на пепелищах печей. Конница на пожарище не могла развернуться, а пехота в атаках несла большие потери. Когда же поляки стали отступать, казаки нанесли контрудар, отсекли часть неприятелей, загнали в Язуу и перебили.

И Ходкевич, потерпев поражение, разделил свои силы. Часть войска оставил в Москве, а сам ушёл собирать припасы. Пошла затяжная тяжёлая война. Казаки вели кровопролитные бои за овладение отдельными укреплениями, узлами обороны. А Ходкевич несколько раз прорывался с обозами, сменял гарнизон.

Россия лежала в полном развале. Её уже опустошали все кому не лень – поляки, литовцы, шведы, татары и свои же

русские разбойники. Но всё шире разворачивалась народная борьба. Отряды партизан – «шишей» нападали на оккупантов. А в Нижнем Новгороде Минин и Пожарский стали формировать Второе земское ополчение.

Когда об этом узнали поляки в Москве, они обвинили во всём Гермогена. Кричали на него, что это он мутит народ своими призывами. Требовали написать увещевание о роспуске ополчения. Патриарх ответил: «Да будет над ними милость от Бога и от нашего смирения благословение, а на изменников да излиется от Бога гнев, а от нашего смирения да будут прокляты в сем веке и в будущем». Поляки уморили его голодом. 17 февраля патриарха не стало, и впоследствии православная церковь причислила его к лику святых.

В июле к Москве начали прибывать авангарды Второго ополчения. На его сторону тут же перешли 4 тысяч патриотически настроенных донских казаков, остальные, либо держались отдельно, либо ушли, узнав, что к Москве опять идёт Ходкевич с большим обозом продовольствия.

Ходкевич получил подкрепление – венгерскую и немецкую пехоту, а также антимосковски настроенные отряды запорожцев Ширяя и Наливайко. У Ходкевича набралось 12-14 тысяч воинов, да гарнизон Москвы составлял 3,5 тысяч (причём польские данные учитывали только «рыцарство», а каждый шляхтич имел двое-трое вооружённых слуг). Битва началась 22 августа. Поляки атаковали позиции ополчения, а польский предпринял вылазку. Но русские его

крепко побили и с помощью казаков-государственников загнали назад.

Но часть казаков так и осталась вне битвы.

И когда в ней возникла пауза, Пожарский направил к ним агитатора – келаря Троице-Сергиева монастыря Авраамия Палицына. Палицын провёл пропагандистскую работу среди «казаков со оружием стоящих». И они сказали келарю: «Хотим умереть за православную веру; иди, отче, к нашим братьям казакам в станы и умоли их идти на неверных». Отправившись дальше, Палицын встретил толпу казаков, возвращавшихся с боя в лагерь, и вдохновил их на бой, дав боевой клич – «Сергиев!». Потом келарь достиг табора «упрямых» (полный сброд), которые пьянствовали и играли в карты. Он и с ними поговорил, и они тоже пошли в бой.

Надо заметить, что основная часть казаков в такой агитации не нуждалась. Донцы и примкнувшие к ним отряды союзных казаков выдержали на себе всю тяжесть осады, стояли под Москвой полтора года. У них не хватало одежды, обуви, они голодали, но не отступили от стен Первопрестольной.

Дальше келарь вспоминал, как казаки босые, в лохмотьях, но с саблями в руках неслись на врага. Ударили на лагерь Ходкевича. Поддержал их и Пожарский, послал в атаку конницу во главе с Мининым. И разгром был завершён. Казаки отбили обоз, Ходкевич, по сути, лишился и армии – у него осталось 400 конников и 4 тысяч запорожцев, которые не горели желанием сражаться с казаками-государственниками.

Ночью отряд Ходкевича бежал из- под стен Москвы.

А у осаждённых начался голод. Съели ворон, собак, лошадей. Пожарский предложил почётные условия сдачи – с гарантией жизни и свободного ухода домой. Но ответили похамски. Называли русских ослами, сурками.

Впрочем, стойкость «рыцарства» объяснялась отнюдь не героизмом, а всего лишь алчностью. Гарнизон обчистил кремлёвские сокровищницы, церкви, ободрал даже царские гробы и не желал расставаться с награбленными богатствами.

А чтобы продержаться до прихода короля, прибег к людоедству. Сперва сожрали пленных, потом гулящих девок, потом стали жрать друг друга и ловить людей на улицах.

Но силы поляков быстро таяли. В октябре из 3,5 тысячи бойцов осталось 1,5 тысячи, и они согласились на переговоры. Правда, по-прежнему вели себя нагло, торговались. Казакам это надоело, 22 октября без приказа командования, по собственной инициативе, они с иконой Казанской Пресвятой Богородицы и саблями в руках пошли на штурм. И ворвались в Китай-город.

В честь этого события и был установлен праздник Казанской иконы Божьей Матери. Дальнейшая оборона поляков стала невозможной, и 27 октября остатки гарнизона капитулировали. В общем, как потом говорили на Руси: «Пришли казаки с Дону, погнали ляхов до дому».

Только тогда Русь смогла заняться государственным

устроением. В январе 1613 года был созван Земский Собор для избрания царя. На него съехались выборные от всех сословий: дворян, духовенства, посадских, стрельцов, казаков, свободных крестьян.

В принципе, главная кандидатура была одна – Михаил Романов. Остальные представители самых знатных родов погибли, находились в плену или дискредитировали себя связью с поляками. А Михаил был двоюродным племянником царя Фёдора Иоанновича. Его отец Филарет проявил себя стойким патриотом.

Он был популярен у казаков по тушинскому лагерю, по войне со шведами в 1591-1593 годах, где он прекрасно командовал войсками.

Но бояре решительно выступили против Романова. Однако и между собой соперничали. Снова заговорили о приглашении шведского принца. Были сторонники Трубецкого, Черкасского.

Но благодаря упорству казаков Собор отправил всех бояр «на богомолье». А без них выработал первое общее постановление: не искать на царство иноземцев.

На заседании Собора 7 февраля первую «выпись» с предложением отдать русский престол Михаилу Романову подал донской атаман Филат Межаков. За ним подали такие же «выписи» служилые Галича, калужские купцы. И 21 февраля собрались снова, уже с боярами. И те опять начали приводить возражения.

Тогда окончательное обсуждение вынесли на Красную площадь, где собрались толпы народа и отряды казаков, которые единодушно одобрили избрание Романова. Когда известие о случившемся дошло до Речи Посполитой, её канцлер Сапега озлобленно бросил пленному Филарету: «Посадили сына твоего на Московское государство одни казаки-донцы!»

ВОССОЕДИНЕНИЕ С УКРАИНОЙ

Прошло время. Россия преодолела последствия Смуты и усилилась. Патриарх Филарет был одним из величайших её преобразователей. Именно при нём в стране началась промышленная революция, возникали крупные мануфактуры, металлургические заводы.

Усилиями патриарха задолго до Петра I были созданы первые полки «нового строя», солдатские, драгунские, рейтарские. Их обучали и вооружали как лучшую армию той эпохи – шведской, приглашали иностранных инструкторов.

И перед усилившейся Россией встали две проблемы: воссоединение с оккупированной поляками Украиной и прорыв сквозь турецкий заслон к портам Чёрного моря. Бредовая идея Петра Первого о доминировании на Балтике (ага, там нас датчане, шведы и немцы только и ждали) тогда ещё не овладела умами русских государей. И они двигали границы России естественным путем – на юг: к незамерзающим портам и рынкам, где русские промышленные товары были бы вне конкуренции.

В учебниках рассказ о воссоединении Украины с Россией почему-то завершается Переяславской радой. На самом же деле этим событием только началась полоса жестоких войн,

и вести их России пришлось аж 27 лет.

В 1654 году царские рати перешли в наступление по всему фронту. В их составе насчитывалось 21 тысяча казаков – из них 5 тысяч служилых, остальные донские и яицкие. Да Хмельницкий прислал Алексею Михайловичу 20 тысяч украинских казаков под командованием наказного атамана Золотаренко.

Большинство белорусов встречали русских как освободителей, и из них был сформирован Чаусовский казачий полк, от которого берёт своё начало Белорусское казачество.

Царские войска в нескольких сражениях разгромили армии Радзивилла, Гонсевского, Потоцкого, взяли Смоленск, Белую, Витебск, Дубровну и ещё десяток крепостей. В 1654-1655 годах были почти полностью заняты Белоруссия и Литва, войско Хмельницкого и Бутурлина очистило от поляков Украину до Львова. Речь Посполитая, совершенно разбитая, уже не могла сопротивляться.

Пока Хмельницкий был жив, он умел держать подчинённых в узде. Но после него пошёл раздрай. Запорожская Старшина протащила на пост гетмана Ивана Выговского.

Он был польским шляхтичем, попал в плен под Жёлтыми Водами, понравился Хмельницкому, женился на его дочери, стал генеральным писарем. А получив гетманскую булаву, он развернул войну против предводителя пророссийской «народной партии» полтавского полковника Мартына Пушкаря.

Сторону Пушкаря приняло Запорожье, прислав ему на

помощь 7 тысяч казаков. Но Выговский призвал татар, взял Полтаву и убил соперника, заключив с Яном Казимиром Гадячский договор о возвращении Украины под власть Польши.

Речь Посполитая тут же прервала переговоры с Россией. Полякам моментально оказали поддержку – и дипломатическую, и финансовую Рим, Австрия, Франция, – что позволило нанять наёмников. И враги русской государственности перешли в контрнаступление.

Дабы нанести им контрудар, в 1659 году на Украину выступила армия Алексея Трубецкого. Но царь не хотел начинать братоубийства с украинцами – Трубецкому предписывалось только лишь «уговаривать черкас».

Увы, невнятность этого приказа мигом воспользовался Выговский. Его казаки совершили предательский налет на русский лагерь, стоявший под Конотопом, порубили единоверцев, угнали лошадей.

В погоню пошла вся русская конница, 20 тысяч всадников под командованием Семена Пожарского. Выговский увёл их подальше и заманил в засаду – на реке Сосновке ждала татарская орда. Вырваться удалось немногим, большинство погибло.

Пожарский попал в плен, ему обещали жизнь за переход в ислам. Он плюнул в бороду хану и был обезглавлен. 5 тысяч пленных перерезали – Выговский заранее условился с ханом пленных не брать, чтобы положить кровь между украински-

ми казаками и казаками, подданными московских царей.

И тут своё слово сказали донские казаки. Они напали на крымские улусы, и хан тут же увёл войско назад. На Украину двинулись русские подкрепления.

Большинство казаков предателя не поддержало. Полки и города принимали сторону России, «государю добились делом и присягали, а изменников заводчиков, которые были с Ивашком Выговским, всех побили». Выговский бежал к полякам.

В Переяславле 17 октября открылась рада, избравшая гетманом Юрия Хмельницкого. Но теперь были приняты и статьи об учреждении русских воеводств в пяти городах – Киеве, Переяславле, Чернигове, Брацлаве и Умани.

Тем не менее даже после измены Выговского царь своих обещаний о сохранении самоуправления не нарушил. Воеводы на Украине не получили ни административной власти, ни «кормлений» (судебных пошлин) и являлись лишь начальниками русских гарнизонов.

Казалось, дела выправились. На 1660 год планировалось сломить Польшу двумя ударами – в Белоруссии и на Украине. А чтобы отвлечь Крым, предполагалось опять напасть на него из Запорожья и с Дона.

Однако помощь хану вдруг оказала Турция. Причём опередила казаков. К Азову пришла эскадра из 33 кораблей и высадила 10 тысяч воинов. Сюда же подошли 40 тысяч крымцев. И армия двинулась на Черкасск.

В нем находилось в это время 3 тысячи казаков и 7 тысяч царских ратников. Приступ они отбили. И вместе с подоспевшими казаками из других городков контратаковали, прогнав врага до Азова. Но лезть на крепость, куда отошло войско, было бы безумием. И казаки отошли на Дон. А турки, чтобы пресечь дальнейшие вылазки донцов, начали строить у Азова две каланчи с артиллерией и протянутыми между ними цепями.

Между тем рать Василия Шереметева уже начала наступление на Волынь. Но хан Мехмет-Гирей привел к полякам всю крымскую орду. А Юрий Хмельницкий качествами своего отца отнюдь не обладал, был полнейшим ничтожеством. И изменил вслед за Выговским.

В результате армия Шереметева под Чудновом попала в окружение и погибла. И вот теперь Россия попала в очень тяжёлое положение.

Ей пришлось заключить со Швецией невыгодный Кардисский мир, отказавшись от всех завоеваний в Прибалтике. Поляки наступали, отбирая белорусские города. Хмельницкий с татарами вторгся в русские пределы, подступал к Севску, Карачеву, Путивлю.

Но эффективный метод борьбы с крымцами был уже отработан. Запорожцы во главе с кошевым атаманом Иваном Сирко и донцы атамана Яковлева раз за разом наносили контрудары по ханским владениям. К этим рейдам правительство сумело привлечь и калмыков.

Татары, узнав о набегах, ушли в свои улусы. От Хмельницкого отпали и казаки Левобережья Днепра, их возглавил переяславский полковник Самко.

И тогда пошла междоусобная резня между украинцами. Главную поддержку Хмельницкий получал извне, отряды ему присылали и поляки, и крымцы, но под Каневом армия Григория Ромодановского и казаки Самко прижали войско изменника к Днепру и разнесли вдребезги.

Многие враги утонули, удирая вплавь. Сам Юрий едва спасся, спрятавшись в лесу. После этого он утратил всякий авторитет, от него стали отпадать сторонники, и он ушёл в монастырь.

В июне 1663 года в Нежине собралась рада, избравшая гетманом Ивана Брюховецкого. Но его не признали правобережные полковники. Провозгласили гетманом Тетерю, подтвердившего Гадячский договор о присоединении к Польше. И украинское казачество теперь уже официально раскололось на две части.

В январе 1667 года было наконец-то подписано Андрусовское перемирие. Москва и Варшава заключали оборонительный союз против татар и турок, к России отошли Смоленщина, Левобережная Украина. Киев с прилегающим районом сперва уступался царю временно, на три года, а Запорожье объявлялось совместным владением России и Польши, которое они будут использовать «на общую их службу от наступающих басурманских сил».

КАЗАЧИЙ УКЛАД

Когда на Украине и юге России строились новые оборонительные системы, старые теряли своё значение. Часть служилых казаков, оборонявших их, переселялась на новые места, часть оставалась и переходила на положение государственных крестьян или мелких дворян.

При Елизавете исчезла и категория городских казаков, за которыми, напомним, со времён Фёдора Алексеевича оставались функции полицейской и пожарной службы, то есть сами-то они никуда не делись, но их переименовали в «городовых солдат». Позже слово «солдат» как-то само собой отпало и осталось только «городовые», то есть полицейские.

Но казачество и пополнялось, вбирая в себя внешние добавки. Одной из них стали стрельцы и пушкари. В дальних гарнизонах петровские реформы их не коснулись, они были нужны, и их не расформировывали. Но и в «регулярство» они не попали.

О них как бы вообще забыли, статус стрельца оказался совершенно неопределённым. А для казаков они были вполне «своими». Служили вместе, делили радости и невзгоды, жили сходным бытом. И они смешивались с казаками.

Пушкин в XIX веке ещё застал на Урале казаков, помнивших о своём стрелецком происхождении. То же самое было в Сибири, на Тереке, в Астрахани. А московских мятежных

стрельцов Пётр сослал в низовья Волги, в Чёрный Яр и Красный Яр, и их потомки вошли в Волжское Войско. В 1742 году на Царицынской линии была построена крепость Енотаевск, и возникла община енотаевских казаков, в которую вошли Черноярская и Красноярская команды.

Пополнялось казачество не только русскими. Так, в яицком войске, по данным переписи 1723 года, из 3164 казаков было 70 татар, 3 ногайца, 49 башкир, 34 калмыка. Причём, например, некоему Даши Булатову, владельцу 200 кибиток, так захотелось стать казаком, что он бросил своё имущество и ушёл с семьёй в Яицкий городок.

В 1724 года его сын Дендюк Булатов получил от властей грамоту, разрешающую принимать в яицкое войско калмыков из его владения, и их количество возросло до 684. При Елизавете правительство принялось заигрывать с калмыцким ханом Дондук-Даши и велело всех калмыков, которые пришли к казакам после 1736 года, вернуть хану.

Но яицкое войско заявило, что может выдать только некрещёных. И в улусы были отданы лишь 112, остальные предпочли креститься. А в 1747 году в яицкое войско были зачислены 290 башкир, не пожелавших принять участие в очередном восстании и перешедших к казакам.

Были инородцы и в других войсках. После эвакуации русских войск из Закавказья на Терек бежало много грузин, армян. Некоторые стали казаками, их община возникла в станции Шелковской.

А когда на постоянную русскую службу решила перейти большая группа крещёных калмыков, ее поселили возле Чугуева, в 1749 году объединили со здешней казачьей командой, и был создан Чугуевский казачий полк.

Структуры управления в разных казачьих войсках в XVIII веке заметно отличались.

На Украине после смерти Данилы Апостола пост гетмана снова был упразднён, Анна Иоанновна восстановила Малороссийскую коллегияю. Но однажды в Петербург привезли молодого полтавского казака Алексея Разумовского. Он был певчим в церкви, и его заметили из-за уникального голоса. В него влюбилась царевна Елизавета Петровна. И когда взошла на престол, Разумовский стал графом и морганатическим супругом императрицы.

Предприняв поездку на Украину, она благосклонно выслушала желание казаков иметь гетмана и в 1750 году позволила «избрать» его. Избрание, конечно, было формальным, даже заочным, гетманом стал 22-летний брат Алексея Кирилл Разумовский. Человек добрый, великодушный, но казачьими делами он занимался мало, да и вообще жил в Петербурге, где заодно стал президентом Академии наук.

В гетманской столице, которой в то время был город Глухов, неограниченно распоряжалась старшина. А украинские казачьи полки стали полными «вотчинами» полковников, они даже передавали свои посты по наследству.

На Дону войсковые атаманы тоже фактически стали по-

жизненными, и появились подобия «династий». Сперва правили потомки Фрола Минаева – Максим Фролов, Иван Фролов. С 1738 года войсковым атаманом был высочайшей грамотой назначен Данила Ефремов. А в 1753 году он попросил Елизавету уволить его от атаманства по возрасту и передать этот пост сыну Степану.

Императрица согласилась, но в знак особой милости повелела сыну оставаться в подчинении отца. По сути, наследственными стали и старшины.

Правда, казачья знать так и не стала замкнутой кастой, в её ряды можно было попасть благодаря личной доблести, заслугам (как выдвинулись Денисовы, Платовы, Кутейниковы, Иловайские и др.).

Но когда человек попадал в старшины, его родные получали соответствующие преимущества в службе, у них было больше шансов быть замеченными, получить важное назначение.

При атамане на Дону действовала войсковая канцелярия – войсковой писарь, войсковой дьяк, 2 войсковых есаула, 2 войсковых комиссара, словесный судья, войсковой расходник, войсковой базарный. Эти должности были выборными. А в станицах по-прежнему ежегодный круг избирал станичного атамана и двух судей: они вместе с атаманом разбирали мелкие тяжбы, проступки, могли наложить штраф, посадить на несколько дней под арест, просто выпороть.

С 1740-х годов в станицах сложился и совет из стариков

(не менее 4), их называли «подписными» – они подписывались под станичными документами и при получении приказов начальства, ручаясь, что распоряжение будет выполнено.

Яицкое Войско, несмотря на подчинение Военной коллегии и губернаторам, сумело в своей глуши сохранить полное самоуправление. Татищев в 1738 году писал: «Старшин у них чрезвычайно много... выборы атаманов и старшин производятся из среды не лучших, а наиболее угодных казакам. В круг их приходит множество, где и при слушании указов бесчинства, брани и крики бывают. Поступают по своевольству, не рассуждая, что им полезно или вредно: по обычаю за бездельные дела казнят смертию, а важными пренебрегают.»

Впрочем, тут надо учитывать, что критерии оценки «бездельного» и «важного» у Татищева и казаков были разными. Например, угнать табун у кочевников для казаков не было преступлением, поскольку и соседи поступали так же. А вот украсть рубль у товарища было отнюдь не мелочью.

Оренбургское войско создавалось из разнородных частей и единых войсковых органов управления не имело, подчинялось оренбургскому губернатору, а отдельные общины – комендантам крепостей. Но каждая община проводила свои круги, выбирала атаманов. Не имели единого войскового управления и сибирские казаки. Их власти подразделяли на полки и сотни.

подавляющее большинство здешних казаков было из служилых, но и они переняли традицию природных казаков

проводить в общинах крепостей круги и выбирать атаманов. Эти атаманы утверждались царской администрацией, но с 1738 года выборы были запрещены, и атаманов в общины стали назначать, часто из армейских офицеров.

В гребенском войске, как и в яицком, удерживалось полное самоуправление. Астраханский губернатор в 1744 году доносил, что «оные гребенские, хотя и могут из всех казаков за лучших воинов почитаться, только от того, что атаманов погодно переменяют и старших против прочих не имеют, в великом беспорядке находятся».

С инспекцией на Терек был послан бригадир Кольцов. Его ужаснуло, что «атаману никакого почтения и страха казаки не имеют». И указом Елизаветы в 1745 году терское казачество было реформировано. Гребенское войско сливалось с терско-семейным, которое уже отвыкло своевольничать и было подконтрольно властям. Им предписывалось избирать общего атамана, его утверждала Военная коллегия, и он получал очень большие полномочия «под страхом за противные поступки жестокого наказания».

Но ничего не получилось. Два войска были слишком разными по составу, происхождению, даже по вере: гребенцы – старообрядцы, а терско-семейное придерживалось нового обряда. Пошло соперничество, склоки за атаманство.

Кончилось тем, что правительство поставило в 1752 году наказным атаманом гребенца Ивана Иванова, а в 1754 году разделило войска, вернув прежние порядки. Но хотя атаман

у гребенцов снова стал выборным, у них тоже установилась «династия» – от Иванова к сыну, от него к внуку.

В казачьей служебной иерархии в XVIII веке произошли изменения, появились новые звания – «войсковой старшина», «хорунжий». Но государственным военным званиям они еще не соответствовали. Армейские чины давались за какие-то заслуги и, например, казачий полковник мог быть поручиком или вообще не иметь армейского офицерства.

И сами звания у казаков разных войск имели не одинаковое значение.

Например, у запорожцев «войсковой старшина» означал члена правления всего коша – войскового писаря, судью, есаула, обозного. И это было выше полковника – в полках существовали полковые старшины (полковой писарь, полковой есаул и т.п.).

На Дону же постоянных полков не было. И полковников тоже. А войсковыми старшинами называли тех, кто раньше командовал полками или занимал другие важные руководящие посты.

Когда требовалось сформировать полк, войсковая канцелярия определяла полковника из числа войсковых старшин. Он получал соответствующий документ, знамя, полковничий пернач, сам собирал казаков по городкам. А вернувшись из похода, сдавал в канцелярию знаки своей власти и из полковника снова становился войсковым старшиной.

Со временем менялся и быт казаков. Яркий пример тому

– Войско Донское. Если в XVII веке земледелия на Дону не было, то в первой половине XVIII века здешние казаки стали усердными землепашцами.

Причём стимул был весьма прозаическим – при Екатерине I, Петре II, Анне Иоанновне жалованья не получали даже генералы. Денег у правительства всегда не хватало, платили лишь тем, кто находился в действующей армии, там уж никуда не денешься. Да и при Елизавете жалованье шло крайне нерегулярно.

Вот и приходилось выкручиваться, пользоваться тем, что есть. В связи с развитием земледелия казаки стали жить большими семьями – отец, женатые сыновья, их дети. Это требовалось для полевых работ.

Впрочем, и в других отношениях казаки привыкли полагаться не на правительство, а на себя. Отобрал Пётр Бахмутские соляные месторождения – донцы нашли другие, на Манычском озере, и выжили степняков из его окрестностей.

Появились и казачьи помещики. Таких масштабных сысков беглых, как при Петре, больше не проводилось, а старшина стала наследственной, с представителями царских властей научилась ладить, и контролировать ее было некому.

Те же Фроловы, Ефремовы, Краснощёковы привлекали беглых крестьян различными льготами, укрывали, организовывали на пустующих землях хутора. Богатея, стали и прикупать крепостных.

Правда, по указу Елизаветы 1746 года право владения

крепостными оставлялось только за дворянами, но казачья старшина уже имела армейские офицерские чины, что автоматически давало дворянство.

Из походов казаки пригоняли трофейный скот и коней, и ширилось скотоводство, коневодство. Каждый городок имел свой станичный табун. А казачьи помещики заводили крупные конские заводы. Скупали из добычи рядовых лучших жеребцов и кобылиц разных пород, вели целенаправленную селекцию, и была выведена знаменитая донская порода.

Но и старые промыслы донцы не забывали – в первую очередь рыболовство. Рыбы было много, когда по Дону шла на нерест тарань, «весло в воде стоймя стояло». Ловили в огромных количествах. Украинские чумаки, приезжая на Дон, покупали тарань не на вес, не поштучно, а возами – 10-15 копеек за воз, на глазок нагруженный сушёной рыбой.

А вот в яицком войске рыболовство оставалось главным промыслом – здесь земля представляла выжженную целинную степь, обрабатывать её было тяжело. Рыбные ловли были разные: малое и большое багренье, весенняя и осенняя плавни, рыболовство неводами, аханное, курхайский лов, лов крючками.

Заботясь о сохранности природных богатств, для каждого лова были разработаны подробнейшие правила, войсковой канцелярией определялись места и сроки, для руководства назначались особые атаманы, а нарушителей строго штрафовали. Яицкое войско поставляло рыбу и икру к император-

скому двору. Хлеб же казаки покупали привозной на деньги, вырученные от продажи рыбы.

А при создании оренбургского войска, чтобы не зависеть от привозных продуктов, казаков заставляли заниматься земледелием. Приказы начальства требовали в обязательном порядке вспахать и засеять хотя бы 2 десятины на семью, а если возделано больше, казаков премировали.

На Тереке правительство тоже пыталось сделать казаков землепашцами, однако это не удавалось. Каждому гребенцу выделялось 30 десятин, но ещё и в 1772 году из войсковых 44 333 десятин обрабатывалось 2035, потому что хорошая земля осталась на правобережье Терека, стала «чужой». А на левобережье плодородной была узкая полоса, дальше начиналась сухая степь. К тому же здешние казаки были постоянно задействованы на службе, и жалованье им всё же платили.

А развивались в основном виноградарство, огородничество, бахчеводство. Это были более выгодные отрасли, и работы могли осуществляться силами женщин.

Важную роль у терцев в хозяйстве играли рыболовство и охота. Выходили на Каспий, ловили в реке, рыбу и икру меняли у чеченцев и кумыков на хлеб. Одной из обязанностей гребенцов по указу сената 1738 года было пополнять «дворцовую межанерию фазанами, журавлями, оленями, штейн-боками, кабанами и козами».

А при поездках в Петербург за жалованьем казаки везли на продажу лошадей, волчьи и лисьи шкуры, бочонки с ры-

бой. Вывоз рыбы принял такие размеры, что в 1746 году был ограничен: на одного казака 50 спинок рыбы и 4 куля икры.

Но все равно ежегодно вывозилось более 50 тысяч спинок. Продавали и контрабандой. Кизлярский комендант доносил, что горцы «ходят с хлебом для меня не по настоящим дорогам, а по прибрежным, через казачьи огороды».

Однако в первую очередь казаки, конечно, были воинами. Как это ни парадоксально, но даже своё хозяйство они развивали главным образом для того, чтобы иметь возможность служить!

Они, как и раньше, осознавали себя воинами Христовыми, и пахали, сеяли, выращивали виноград, рыбачили, чтобы справить оружие, коней, одежду для службы.

Казачонка в 3 года сажали на коня, в 5 лет доверяли ездить самостоятельно, с 7 лет учили стрелять, с 10 – владеть холодным оружием. С 14 лет (позже с 17) юноша считался «малолетком», то есть почти уже полноценным казаком, но младшего возраста, выполнял поручения станичного атамана, служебные обязанности внутри войска. Женились рано, лет в 17, чтобы успеть произвести потомство, пока муж не уйдёт на службу.

И, естественно, в полной мере действовало казачье братство. Бедным подготовить «справу» для службы помогала община – в складчину или за счёт станичных сумм. А сирот, чьи отцы погибли в походах, называли «атаманскими детьми», о них заботилась и воспитывала вся станица.

СИБИРСКИЕ ГЕОЛОГИ

Первыми сибирскими геологами были казаки-землепроходцы.

В XVII веке ими были открыты залежи слюды в Западной Сибири, Енисейске, Прибайкалье, «цветное узорочное камень» в Верхотурском, Тобольском, Якутском уездах, медь под Невьянском, железная руда на Туре, Тоболе, Исети, в Якутии, Прибайкалье, селитра на Олёкме, свинец на Аргуни, нерчинское серебро.

Возникали первые заводы, домницы. На некоторых месторождениях делались ещё только пробные шурфы и плавки, но они уже были открыты, хотя позже заслугу себе приписали другие.

Казаки оставались и прекрасными дипломатами, устанавливая дружеские отношения с местными племенами. И если в Западной Сибири этому во многом способствовала калмыцкая угроза, то в Забайкалье сказался другой фактор.

По соседству усилились маньчжуры. Они сокрушили китайскую империю Мин, в 1644 году взяли Пекин, и возникла могущественная и агрессивная империя Цин, которая стала разворачивать экспансию на север. Подчинила часть монголов, обложила данью приамурских дауров и дючеров. В таких условиях буряты и тунгусы предпочли переходить под власть царя.

Ерофей Хабаров был устюжским крестьянином. Но такая судьба его не удовлетворяла. Его кипучая натура, сочетая в себе и талант бизнесмена, и смелость первопроходца, требовала достойного поля деятельности.

В 1628 году Хабаров поехал в Сибирь в надежде разбогатеть на пушном промысле. Не получилось. Но Хабаров обнаружил, что в Сибири можно нажить состояние и другими способами – там очень дорого стоили хлеб, промышленные товары.

Ерофей ушёл за Урал, став «слободчиком», то есть одним из деловых людей, которые сами основывали деревни и управляли ими. Это разрешалось, требовалось только согласовать с уездным воеводой и платить налоги. Хабаров обосновался у устья Киренги, нанял работников, в 1640-х годах у него уже было 26 десятин пашни, собственные кузницы, мельницы, соляные варницы, он занялся торговлей, извозом, ростовщицеством.

А в 1650 году Хабаров обратился к якутскому воеводе Дмитрию Францбекову (Ференцбаху) с проектом освоения Приамурья. Сформировал отряд из 70 казаков и крестьян, поднялся по Лене, заложив город Олекминск. Затем достиг Амура, где основал Даурский городок. И начал совершать плавания по реке, приводя в подданство местных жителей. Мужик он был крутой, силу применял без раздумий. Когда взбунтовалась и попыталась бежать группа казаков, с ними тоже расправился сурово.

В 1651 году по следам Хабарова пошли из Якутска 27 казаков во главе с Иваном Нагибой. Но с хабаровцами они каким-то образом разминулись. Построили судно и прошли по всему Амуру, причём с непрерывными боями. Вышли в море, но судно было раздавлено льдами у Шантарских островов. Экспедиции удалось спастись, и она сухим путём вернулась в Якутск, собрав большой ясак. Современники считали чудом, что отряд во всех передрыгах не потерял ни одного человека.

Однако другие отряды к Хабарову добирались, его силы росли. Пекин же воспринял выдвижение землепроходцев к своим границам крайне враждебно. Император категорически запретил подданным контакты с русскими. Подчинённых ему монгольских князей направил в набеги на Забайкалье, чтобы покорить здешние племена. А на Амур в 1652 году отправил корпус из тысячи солдат с ружьями и легкими пушками. У Хабарова к этому моменту собралось до 200 служилых и «охочих людей». Но, как писали китайцы, в лице казаков они встретили бойцов «храбрых, как тигры, и искусных в стрельбе». Корпус был разгромлен наголову.

В 1653 году Хабарова сменил на Амуре отряд Онуфрия Степанова, а Ерофей Павлович вернулся в Якутск, составив «чертёж реке Амуру». Царь высоко оценил его успехи и пожаловал в дети боярские. А в Забайкалье предпринял поход Пётр Бекетов – тот самый, который 20 лет назад строил Якутск. Теперь он заложил Иргенский и Нерчинский остро-

ги. И их основание в 1655 году принято за отсчёт старшинства Забайкальского казачьего войска. Впрочем, одновременно возникла и другая казачья община, вольная.

Служилые закреплялись в Прибайкалье и Забайкалье – были основаны Балаганский, Телембинский, Се-ленгинский, Удинский остроги. Буряты и тунгусы приветствовали строительство, помогали, поскольку и для них крепости обеспечивали защиту от вылазок маньчжуров.

Продолжались исследовательские экспедиции и в других направлениях. В 1651 году Иван Баранов с группой «охочих людей» прошел с Колымы на Гижигу, к Охотскому морю.

Примерно в это же время Василий Власьев и Кирилл Колкин предприняли плавание на Чукотку, установили контакты с «чухоцкими мужиками».

Сотник Курбат Иванов, сменивший в Анадырском крае Дежнёва, тоже построил кочи и ходил морем на Чукотку. Открыл залив Креста, бухту Провидения. Десятник Иван Меркурьев Рубец совершил поход на Камчатку.

Потом туда же отправился енисейский казак Иван Камчатый. Открыл реку, названную его именем. На обратном пути Камчатый был убит юкагирами, но название реки «Камчатка» впоследствии перенеслось на весь полуостров.

В 1680-х годах иезуит Авриль, беседа в Москве с окольным Мусиным-Пушкиным, вытянул из него информацию об Америке и её жителях. Стало быть, казаки уже и туда забирались.

КАЗАКИ ПИШУТ СУЛТАНУ

В 2008 году в Краснодаре на пересечении улиц Горького и Красной был установлен памятник «Запорожцы пишут письмо турецкому султану» (скульптор Валерий Пчелин).

Это напоминание о тех, кто первым принял удар новой волны экспансии на Русскую землю – её топтали сапоги янычар Османской империи...

В XVII веке главной угрозой для казаков стали турки. На каждого из казаков приходилось по два-три десятка вооружённых до зубов осман, которым к тому же помогали кочевники-мусульмане (особенно из племён, когда-то входивших в Орду) и отряды из вассальных государств.

Но казаки не дрогнули. Гибли, но туркам спуска не давали. Яркое впечатление о боевом настрое казаков производит письмо, о котором говорилось в начале главы.

Письмо казакам султана Мехмеда IV:

«Я, султан и владыка Блистательной Порты, сын Ибрагима I, брат Солнца и Луны, внук и наместник Бога на земле, властелин царств Македонского, Вавилонского, Иерусалимского, Великого и Малого Египта, царь над царями, властитель над властелинами, несравненный рыцарь, никем не победимый воин, владетель древа жизни, неотступный хранитель гроба Иисуса Христа, попечитель самого Бога, надежда и утешитель мусульман, устрашитель и великий

защитник христиан, повелеваю вам, запорожские казаки, сдаться мне добровольно и без всякого сопротивления и меня вашими нападениями не заставляют беспокоиться».

Ответ запорожцев:

«Запорожские казаки турецкому султану!

Ты, султан, чёрт турецкий, и проклятого чёрта брат и товарищ, самого Люцифера секретарь. Какой ты, к чёрту, рыцарь, когда голой задницей даже ёжика не убьёшь?! Черт высирает, а твоё войско пожират. Не будешь ты, сукин ты сын, чью мать мы все имели, сынов христианских нагибать! Твоего войска мы не боимся, на земле и на воде будем биться с тобой!

Вавилонский ты повар, Македонский колесник, Иерусалимский пивовар, Александрийский козолун, Большого и Малого Египта свинопас, Армянский ворюга, Татарский сагайдак, Каменецкий палач, всего света и подсвета дурак, самого аспида внук и нашего хрена конец. Свиная ты морда, кобылиная срака, мясницкая собака, некрещёный лоб, мать твою, суку!

Вот так тебе запорожцы ответили, плюгавому. Не будешь ты даже свиней у христиан пасти. Этим кончаем, поскольку числа не знаем и календаря не имеем, месяц в небе, год в книге, а день такой у нас, какой и у вас, за это поцелуй нас в задницу!

Подписали: Кошевой атаман Иван Сирко со всем лагерем Запорожским»

В 1676 году на трон взошёл царь Фёдор Алексеевич Романов. Он при участии сестры Софьи начал реформы по европеизации России. Внедрялись европейские моды, обычаи, роскошь. Это требовало денег. А налоги с доходов промышленников были невелики, ибо экономика России развивалась медленно.

Тогда царь, чтобы увеличить количество дешёвой рабочей силы для промышленности, повёл борьбу с нищими, повелев их насильно «определять в работы». Царь Фёдор даже отменил указ своего отца о невыдаче беглых, записавшихся в ратную службу.

И экономика начала оживать. В 1682 году Фёдор Алексеевич умер. Скорее всего, был отравлен, поскольку бояре стремились свергнуть его и даже пустили слух, что царь абсолютно безумен.

Европейские реформы брата продолжила и углубила Софья. Канцлером стал её фаворит Василий Голицын, хотевший использовать идеи и технологии Запада для модернизации России. И усилия канцлера не пропали даром. России было предложено вступить в «Священную лигу» – союз Австрии, Польши, Венеции и Рима, которые вели войну против Турции. Такой союз дал бы России возможность выбить татар с Крыма и освободить от «поганных» священный для христиан город Константинополь.

И всё-таки купленные турками бояре и туповатый патриарх Иоаким выступили против нарушения «выгодного ми-

ра» с османами. Об этом молил Софью и запорожский гетман Самойлович.

Однако Голицын добился своего. Был заключён анти-турецкий союз. Россия формально вступила в войну, а понукаемые союзниками поляки перед всей Европой признали право России на Смоленщину, Киев и Левобережную Украину. Отныне такая конфигурация стала присутствовать на всех европейских картах.

А затем Голицын сделал ошибку. Вместо того чтобы формально отнестись к обязанностям по договору и потратить 2-3 года на реформирование армии (стрелецкие рати к этому времени почти полностью утратили боеспособность), он с согласия Софьи в 1687 году двинул русскую армию на Крым.

Формально должна была собраться огромная армия в 113 тысяч бойцов. Но собралось лишь 60 тысяч. Да из тех боеспособными были только казаки.

Они успешно провели все свои операции. Атаман Минаев с донцами ходил под Перекоп, побил татар под Овечьими водами, а в Запорожье был послан Касогов с солдатами, он вместе с казаками потрепал врагов в низовьях Днепра.

Увы, стрелецкие полки и боярские ополченцы еле передвигались по зною через безводные степи. А когда до Перекопа осталось 100 верст, татары подожгли степь. И измученному войску пришлось повернуть назад, иначе стрельцы взбунтовались бы (прецедентов имелось достаточно). Без всяких боёв армия потеряла 24 тысячи человек.

Голицына в народе проклинали, а Софье припомнили все её заигрывания с католическими державами. Всё больше говорили о том, что пора венчать на царство царевича Петра, несмотря на его малолетство.

Свою неудачу Голицын свалил на Самойловича, обвинил в измене и сослал его в Сибирь (хапнув при этом в собственный карман украинскую войсковую казну). А гетманом без всякой рады поставил выжигу и плута Ивана Мазепу. Мелкий шляхтич, за свои плутни был вынужден бежать к врагам Польши – в Запорожье. Выдвинулся у предателя Дорошенко, стал его генеральным писарем. Был послан в Стамбул, чтобы заключить союз с турками. Но его перехватили казаки-патриоты атамана Сирко и выдали Москве. Там его перевербовали (вернее, думали, что перевербовали), и Мазепа стал работать на русских. У Самойловича был генеральным есаулом и помог Голицыну, состряпав на гетмана донос. Словом, предатель был прирождённый, «со стажем».

В 1689 году состоялся второй поход Голицына. По спискам армия достигала 118 тысяч плюс 40 тысяч казаков Мазепы (сколько собралось в действительности – неизвестно). Чтобы успеть до зноя, канцлер приказал выступить 1 февраля. Но завязли в весенней распутице, замучились с переправами через разлившиеся речки. Выдержали несколько сражений с татарами, и к Перекопу

подошли 20 мая. Обнаружили, что перешеек сильно укреплен, о чём можно было узнать и раньше – если бы Го-

лицын удосужился почитать донесения разведки. Вести осаду укреплений без воды, фуража и хлеба значило погибнуть. И 21 мая армия отступила назад. Потеряла 20 тысяч убитыми и умершими, 15 тыс. пропавшими без вести, бросила при отступлении 90 орудий.

И только казаки оказались на высоте три тысячи донцов вышли в море, вместе с запорожцами захватили несколько вражеских кораблей, разорили Тамань.

Софье вторая крымская катастрофа стоила престола. Под знаменем передачи его царевичу Петру группировка бояр во главе с патриархом Иоакимом низложила правительницу. Были расторгнуты выгодные России торговые и политические договоры, заключённые Голицыным.

КАЗАКИ – ГОСУДАРЕВЫ ЛЮДИ

Поначалу новый царь продолжил вслед за Голицы- ном единственно верную для России стратегию броска на юг. Увы, после первых же побед над турками, давшимися большой кровью, новый русский царь забыл об этом броске на юг, и дал старт трёхвековому наступлению на запад, что в конце концов привело Российской империю к краху.

Русско-шведская война Петра Первого за Балтику очень дорого обошлась России, но так и не сделала её хозяйкой Балтийского моря.

События этой войны сильно искажены лизоблюдами, отработывавшими придворный заказ. Шведы отнюдь не «научили русских воевать». Мы наших северных соседей всегда успешно били.

А вот то, что ресурсы, которые могли бы пойти на укрепление российских баз в Причерноморье, а также на превращение России в мост между потоками товаров из Европы в Азию, были брошены на ослабление шведов, которые сдерживали ненавидящих Россию поляков и немцев.

Но был в такой войне и плюс для России. После разгрома русской армии под Нарвой Пётр I вспомнил о казаках. В 1701 году на Дону был сформирован первый конный полк, до этого у донцов полковых структур не существовало. Полк насчитывал 430 казаков, возглавил его Максим Фролов, сын

атамана Фрола Минаева.

Впрочем, донские полки оставались временными, они создавались только на время походов и назывались по фамилиям командиров.

Полк Фролова, а потом и другие казачьи части были направлены в Лифляндию, в армию Шереметева, состоявшую из «худших» войск: дворянской конницы, татар, калмыков. И именно «худшие», в том числе казаки, одержали главные победы в войне, разгромив корпус Шлиппенбаха при Эрсфере и Гуммельсгофе.

Но не менее важные события происходили в тылу. С прежними правами и привилегиями казаков царь Пётр абсолютно не считался. В 1700 году он отменил на верном короне Дону общий войсковой круг. Отныне на него собирались только станичные атаманы и по два выборных от каждого городка.

Донские и малороссийские казаки были лишены права беспошлинной торговли. Затем последовал запрет ловить рыбу «по реке Дону и до реки Донца, также и на море и по запольным речкам». Рыбные ловы, основной промысел донцов, передавались «азовским жителям». Добавились запреты на рубку леса, на сношения с соседними степными народами – все связи предписывалось вести только через азовского воеводу.

Для усмирения недовольства такими реформами среди казаков в 1707 году царь прислал на Дон карательную экспе-

дицию князя Юрия Долгорукого с тысячей драгун. То была невеликая сила, но казаки заволновались.

И, как оказалось, не зря. Начался полный беспредел. «Беглыми» объявляли всех, кто родился не на Дону, – хотя при прежних царях переселение не возбранялось. Например, в Обливенском городке лишь 6 казаков были признаны «старожилыми», а все остальные – «беглыми». Вела себя экспедиция, как в завоеванной стране. Пороли, пытали, вынуждая признаться «беглыми».

За попытки сопротивления казнили на месте. Грабили, жгли дома «беглых», насиловали женщин. Офицеры, привыкшие обращаться с крепостными девками, по-хозяйски требовали вести приглянувшихся казачек к себе «на постель».

Терпение казаков лопнуло. Атаман Булавин с небольшим отрядом ночью вырезал царских карателей. Но Булавин не захотел остановиться на совершённом. Он принялся раздувать настоящее восстание.

Тут уж пришлось принимать меры атаману Максиму. Он собрал казаков, выступил на Булавина. А на следующий день, как доносил атаман, мятежников разгромили, наказали, ста человекам резали носы, около десяти повесили за ноги, «а иных постреляли».

Булавин же отправился в Запорожье, призывая сечевиков помочь в защите поруганных казачьих вольностей, и нашёл там горячий отклик. Запорожцы, как и донцы, уже немало

натерпелись от алчных и тупых московских чиновников.

Мазепе на донцов было плевать. Гетман вёл свою игру, мечтая о создании собственного царства на украинских землях, поэтому решил выдать Булавина.

Но тот сбежал в городок Терны на Самаре. Мазепа направил туда два полка, и в марте 1708 года мятежники ушли. Обнаружились они в Пристанском городке на Хопре. Булавина поддержали верховые городки, пришло несколько тысяч запорожцев. Но основную массу составили беглые холопы, крестьяне, воронежские ссыльные.

Пётр Первый рассвирепел и направил на подавление мятежа брата убитого князя, Владимира Долгорукого, дав ему широкие полномочия и крутые инструкции «ходить по тем городкам и деревням, которые пристают к воровству, и оные жечь без остатку, а людей рубить, а заводчиков на колесы и колья...»

Мятеж Булавина ликвидировали сами казаки-государственники. А Долгорукий так и простоял в Воронеже и только после гибели Булавина рискнул двинуться на Дон.

Там князь «пойманных всех казнил и повешенных на плотах по Дону пушал». А «непокоряющиеся и бунтующиеся» станицы, «как то на Дону Старогригорьевскую, а при устье Хопра Пристанскую, а по Донцу, почав с Шульгинки и все окольные их места даже и до самой Луганской станицы все вырублены и до основания истреблены и сожжены».

Уцелевших женщин и детей разбирали калмыки и солда-

ты – на продажу. Разные источники называют от 7,5 до 30 тысяч казнённых.

Козаки-государственники таким образом получили от царя новую пощёчину, а позиции сторонников независимости, особенно среди запорожцев, укрепились.

И Мазепа использовал ситуацию в свою пользу. В разгар Русско-шведской войны на сторону Карла XII перешла Сечь. Получился поистине парадокс. Ведь запорожцы были «плоть от плоти» русского народа, непримиримыми врагами «басурман» и «ляхов», конфликтовали с Мазепой. Теперь же все жители украинских земель боролись с захватчиками, а сечевики очутились в одном лагере с «басурманами», «ляхами» и бывшим гетманом!

В начале 1709 года казаки принесли присягу королю и получили награду – по 20 талеров на казака, а Мазепа назначил им жалованье по 10 талеров.

Но Карл XII не умел использовать казаков, не знал, что делать с ними, и предоставил действовать самостоятельно, совершать наезды на царские войска. В первом же нападении незалежники нарвались на крупные силы царя и были разгромлены. А затем полковник Яковлев штурмом овладел Сечью. Все её защитники были уничтожены, пленных казнили – снова поплыли плоты с виселицами, теперь по Днепру. Сечь была сожжена, 100 пушек, добытых в разные времена в казачьих походах, вывезены.

Вскоре и шведам конец пришёл. Накануне Полтавской

битвы Карл XII, неосторожно выехавший на рекогносцировку, был тяжело ранен казаками-государственниками и потерял возможность управлять войсками. Без него вся армия рассыпалась. Карл и Мазепа сумели удрать на турецкую территорию, но уже в качестве политических трупов. Мазепа, кстати, стал и физическим трупом.

Пётр I ужесточил крепостное право, то есть присвоил 90% русских людей статус рабов (например, царский любимчик «светлейший» князь А. Меншиков захватил 100 тысяч рабов, каждого из которых мог продать, подарить или запереть насмерть).

Императрица Екатерина II, которую до сих пор все прозападные историки воспевают как «русскую патриотку», узаконила оптовую и розничную торговлю русскими рабами. Императрице нужны были деньги на войну с Западом и на всё более разгульный образ жизни. И Екатерина делала свой бизнес на самом гнусном – работорговле.

Создавались фирмы по захвату и торговле рабами. На ярмарках невольников – в том числе женщин, детей и стариков – держали, словно диких зверей, в клетках в ужасных условиях. Имелась целая куча посредников-перекупщиков, которые делали на работорговле огромные состояния.

Особенно тяжёлым было положение заводских рабов на Урале, которых со времён Петра отдавали в полную власть промышленников. На уральских заводах копились и беглые, каторжники: хозяева имели возможность и укрыть их, и дать

взятки сыщикам.

Уральские рабы ненавидели своих хозяев лютой ненавистью. И достаточно было одной искры, чтобы вспыхнул бунт – бессмысленный и беспощадный.

Тут-то и объявился Емельян Пугачёв – бывший донской казак, а ныне – авантюрист и бродяга. Чтобы придать себе значимость, Пугачёв превратился в «истинно русского государя Петра III Фёдоровича». На самом деле настоящий (уже покойный) Пётр III был врагом всего русского, в том числе православной церкви.

Пугачёв с отрядом из 300 человек появился у Яицкого городка 18 сентября 1773 года. Часть казаков передалась ему. Других комендант Симонов послать против мятежников опасался, чтобы не случилось то же самое. Но и Пугачёв не мог взять городок. И двинулся по укреплённой линии.

Гарнизоны мелких крепостей состояли из инвалидных солдат и казаков, переходивших к мятежникам. И по цепочке пали Илецкий городок, Рассыпная, Нижне-Озерная, Татищева, Чернореченская, Сакмарский городок. Всех, кто не хотел присягать «Петру Фёдоровичу», казнили. Солдат и крестьян верстали в «казаки».

Тут же привычно взбунтовались и башкиры. И войско, достигшее 7 тысяч, в октябре осадило Оренбург.

Пугачёв изображал «царя», закатывал пиры, устраивал штурмы. Но в действительности был лишь марионеткой своего окружения из яицких старшин – Зарубина, Шигаева, Па-

дурова, Овчинникова, Чумакова, Лысова, Перфильева.

Они управляли действиями самозванца, строго следили, чтобы никто, кроме них, не приобрёл влияния на него – утопили сержанта Кармицкого, взятого Пугачёвым в писари, убили офицерскую вдову Харлову, которую он сделал своей наложницей.

Этой группировкой предусматривалось несколько вариантов действий – либо раздуть новую смуту, либо просто «погулять», потряхнуть государство, чтобы пошло на уступки войску. А Пугачёвым, как считалось, можно будет пожертвовать, чтобы заслужить прощение.

Успехи восстания облегчались растерянностью и бездействием местных властей и отсутствием хороших войск, сражавшихся с Турцией. А слабые гарнизонные полки и рекруты, направленные на подавление, разбивались или изменяли. Ряды мятежников множились. Пугачёв отлучился из-под Оренбурга под Яицкий городок, организовав его осаду. А заодно сыграл свадьбу с полюбившейся ему казачкой Устиньей Кузнецовой.

Положение изменилось, когда усмирение было поручено опытному генералу А.И. Бибикову. С фронта перебрасывались надёжные части. Пугачёв выступил навстречу с 10 тысячами мятежников, но 22 марта 1774 года был разгромлен под Татищевой, потерял 1,5 тысячи убитыми, 36 пушек. Казачки старшины поняли, что всё пропало, и сдали властям царя-самозванца.

Пугачёв был приговорен к четвертованию (ему отрубили голову, руки и ноги). Даже дом Пугачёва был сожжён рукой палача, а само место, где он стоял, распахали и объявили проклятым.

А в конце 1775 года Екатерина II распорядилась предать яицкое казачество вечному забвению, для чего река Яик переименовывалась в Урал, Яицкий городок – в Уральск, а войско яицкое в уральское. При этом управление войска реформировалось по образцу донского, общие круги отменялись, войсковые атаманы стали назначаемыми.

Заодно Екатерина II обнародовала указ, согласно коему Сечь «как богопротивная и противоестественная община, не пригодная для продления рода человеческого» упразднялась.

Но на рядовых казаков никаких репрессий не было. В указе говорилось: «Всем приватным членам бывших запорожских казаков всемилостивейше велено, не желающих оставаться на постоянном проживании в своих местах, отпустить их на родину, а желающих тут поселиться – дать землю для вечного проживания».

Впрочем, запорожцы, хорошо зарекомендовавшие себя, получили российские офицерские чины. Войны, в которые постоянно впутывалась Екатерина II, требовали толковых казачьих командиров.

СТАНИЦА

По внешнему виду казачьи поселения – станицы – носили отпечаток старинной застройки.

Казачьи сёла располагались вдоль границы кочевников, а основным занятием казаков являлась охрана этих границ от их набегов. Поэтому план застройки прилинейных (так сказать, прифронтовых) казачьих посёлков напоминал правильный круг с церковью посередине, близко расположенными домами, чтобы было удобней отражать нападение кочевников.

Казачьи же залинейных посёлков в соприкосновение с кочевниками не вступали, поэтому имели возможность свои дома располагать в наиболее удобных местах, чаще вдоль рек и озёр. При строительстве дома казак заранее выбирал место для построек, в том числе и своим сыновьям. Нередко случалось так, что целая улица принадлежала одной фамилии, ведь казачьи семьи отличались многодетностью.

Наиболее распространённая казачья изба состояла из двух комнат, горницы и кухни. Посреди горницы стоял большой стол, под потолком или на стене висела масляная, а позже керосиновая лампа. На подоконнике – домашние цветы. У стенки – деревянная кровать с пуховой периной и подушками.

В зимнее время горница отапливалась голландкой – круг-

лой печкой, выложенной из красного кирпича и облицованной жостью.

Почти половину кухни занимала русская печь, на шестке которой всегда стояли горшки, чугушки, сковородки и лежало куриное или гусиное крыло, которое хозяйка использовала вместо веника для сметания мусора.

Внизу, под печкой, хранились кухонные принадлежности: шабала, сковородник, ухват, кочерга, деревянная лопатка для садки калачей. Рядом с печкой, под потолком, устраивались полати.

За печкой, как правило, располагался кто-то из домашних животных: телёнок, ягнёнок или домашняя птица и стояла кадка с водой, закрытая крышкой. На крышке лежал металлический ковш. На стенке висел рукомоёйник.

В тех станицах, где было много лесных угодий, леса делились на войсковые и общественные. Войсковыми лесами распоряжалось войсковое правительство, вырубка в них производилась в исключительных случаях.

Общественные леса принадлежали станичному обществу, разделу не подлежали, вырубка производилась по приговору и на общественные нужды.

Остальные леса входили в состав казачьего пая. Владелец пая распоряжался им по своему усмотрению. Лес служил казачу хорошим подспорьем, из него он продавал хворост, дрова. Иногородние и городские жители платили ему за разрешение собирать в лесу ягоды и грибы.

Нелегко приходилось казаку, когда в его семье было несколько сыновей: ведь каждого из них необходимо было подготовить к службе, каждому приобрести коня, снаряжение, обмундирование, шашку.

Но не легче было казаку, когда в его семье были одни дочери, так как при распределении земельных паёв казачки не учитывались. А вот семьи погибших казаков пользовались особым вниманием. Вдовам выделялась половина пая, при трёх детях – пай, а если детей больше – два пая.

Передача наделов земли офицерам и чиновникам в частную собственность сопровождалась ущемлением рядовых казаков-общинников, переселением их на отдалённые и неудобные земли.

Площадь земли, оставшаяся в общинном пользовании сокращалась, а казачье население возрастало, что приводило к обострению казачьих отношений в войске. Гонимые нуждой казаки-бедняки шли на поклон, к казаку-богатею или на заработки в заводскую зону, на прииски и проч.

Сеяли казаки рожь, ячмень, овёс, озимую пшеницу, горох, но основной культурой была яровая пшеница, урожайность которой в разные годы в разных хозяйствах колебалась от недобора посевных семян до 150 пудов с десятины и не отличалась от крестьянских и других хозяйств. Но способы ведения хозяйства на земле были примитивными – всё делалось вручную. Постепенно, с развитием науки казаки стали сеять подсолнечник, развивалось бахчеводство.

Часть выращенного зерна казаки потребляли внутри своего войска, другую часть вывозили на продажу. Центром торговли как в городах, так и в станицах являлись базары, работавшие один день в неделю. Базарным днём устанавливалось воскресенье. Два-три раза в год устраивались ярмарки, на которых кроме сбыта зерна можно было приобрести различные товары из крупных городов России.

В качестве удобрения для полей применялся только навоз, которого не хватало, так как большую часть его казаки переделывали на кизяк. Накопившуюся за зиму навозную кучу казаки смешивали с соломой, обильно поливая водой. Потом формировали в брикеты, тщательно высушивали на солнце. Получалось топливо, напоминающее торф, без которого зимой в степных районах обойтись было нелегко. А вот на удобрение полей навоза почти не оставалось.

В семье казака работали все, и трудовые мозоли на ладонях носили не только взрослые, но и дети. Воспитывая своих детей, казаки прививали им уважение к труду и любовь к земле.

Общие традиции для всех казачьих войск передавались от деда к отцу, от отца к сыну. Рождение казака приветствовалось выстрелом из ружья, то есть с первого мгновения жизни определялось назначение новорожденного быть воином.

Родственники и друзья, приходившие поздравить роженницу, обязательно приносили с собой варенье и пироги, специально испечённые для этой цели. С порога, перекрестив-

шись на иконы, они произносили: «С новорожденным сыном! Дай Бог его вскормить, вспоить и на коня посадить», то есть вырастить хорошего казака-наездника.

Если же родилась дочь, то гости желали: «Дай Бог вскормить, вспоить да за стол посадить», то есть выдать замуж. Во время крещения казачонка священник подстригал младенца, а волосы его передавал крёстному отцу.

Крёстный брал кусочек воска от своей свечки, закатывал в него волосы и бросал в купель. Все следили за этой процедурой, так как существовало поверье: если комочек волос плавает сверху, то ребёнок будет жить долго, а если утонет, то жизнь у него будет короткой.

Когда казачонку исполнялся ровно год, его в торжественной обстановке родственники, на женской половине дома, подстригали наголо, а волосы передавали матери. Мать складывала их в укромное место и хранила до самой смерти (когда казак умирал, то клочок этих волос клали ему в гроб. Если он погибал вдали от родных мест, то волосы сжигали).

Подстриженного малыша со словами: «Готов казак!» – передавали крёстному отцу. Крёстный сажал ребёнка на неоседланную лошадь и проводил её вокруг церкви, внимательно наблюдая за поведением казачонка, загадывая при этом: если он вцепился руками в гриву, значит, будет казак победителем, если заплакал и стал валиться набок, быть ему сражённому на поле боя. О своих наблюдениях крёстный никому не рассказывал, строго хранил эту тайну при себе.

Став взрослым, казак следовал утверждённым канонам и правилам казачьего быта. Например, полученные в бою раны обрабатывал так, как учили его старшие, разжеванной паутиной вперемешку с порохом.

Целебные свойства паутины и сегодня медицина не отрицает, а от пороха рубец после заживания становился синим. Но это не беспокоило казака, ведь шрамы на теле воина всегда были почётны. А вот татуировку на себе казаки не допускали, всегда следили за чистотой и порядком своего тела.

Даже простая родинка приносила им огорчения, ведь с родимым пятном призывная комиссия могла не допустить к службе в гвардии, так как в гвардию призывались лучшие из лучших, и каждый казак мечтал стать гвардейцем с детства.

Быт казаков связан с походной жизнью и с тяжёлым изнурительным трудом на полях, поэтому каждой заработанной копейке они знали цену, деньгами «по ветру не швырялись».

В дороге казак хранил свои сбережения в заглавнике, в небольшом кошельке, пришитом к кальсонам-сподникам, поверх них надевались шаровары и подпоясывались нешироким ремнём из сыромятной кожи, называемым гашником; под него попадал и плотно прилегал к телу кошелёк с деньгами.

Самым торжественным днём считался у казаков войсковой праздник 23 апреля, День святого Георгия Победоносца – покровителя казаков.

К этому празднику в станицах готовились заранее: пекли

пироги, шаньги, ватрушки, плюшки, калачи. Ходили друг к другу в гости, дарили подарки, поздравляли друзей и принимали от них поздравления.

Праздник начинался массовыми мероприятиями: поздравительной речью атамана, конными состязаниями, в которых участвовали как взрослые, так и дети, хоровым пением и плясками; заканчивался праздник награждением победителей состязаний и застольем.

Во время трапезы первым садился за стол сам – глава семьи, он размещался в переднем углу, с торца стола. Слева от него, под образами, было место деда – отца главы семейства, о котором сам во время обеда постоянно заботился, проявлял знаки внимания, подавал хлеб, подвигал поближе тарелку.

Далее вдоль стола справа следовали места его сыновей. Старший сын садился рядом с отцом, за ним по возрасту располагались остальные. С левой стороны стола размещались зятья и снохи, за ними – бабушки, матери, дочери. Женский край стола был обращён в сторону печки или кухни, для удобства подавать на стол и убирать со стола посуду.

Перед обедом глава семьи или кто-то по его поручению из младших детей читал молитву. Затем сам брал нож и разрезал каравай хлеба. Принимали пищу молча, соблюдая принцип старшинства.

Никто не мог опустить в миску ложку до того, как это делает глава семьи. Ложки чаще применялись деревянные, их

несли ко рту, не торопясь, подставляя снизу кусочек хлеба.

После обеда вновь читалась молитва, и подавался чай. С этого момента разрешалось вести за столом разговоры, так как чаепитие считалось уже не обедом, а угощением.

Праздничные застолья от обычных отличались лишь тем, что хозяева садились вперемешку с гостями, причём женщины отдельно от мужчин, а молодые незамужние девушки располагались рядом со своими матерями или тётками.

Если в доме появлялся кто-нибудь из мусульман или евреев, то из обеденного рациона исключались блюда, содержащие свинину, чтобы не поставить в неудобное положение гостей, которые по религиозным соображениям свиное мясо не употребляли.

Одной из характерных черт казаков являлось почитание старших, причём в мирное время возраст имел большее значение, чем воинское звание. Старики пользовались особым уважением и любовью не только в семье, но и являлись памятью и совестью всей станицы, играли в ней заметную роль в организации казачьего быта.

Когда старик умирал, в траур погружался весь посёлок. При выносе гроба с телом правое плечо подставлял атаман, а левое – старший сын старика. За гробом двигались многочисленные родственники и побратимы. Кто-то из них вёл под уздцы коня умершего. Конь тоже провожал своего хозяина до могилы.

Побратимство у казаков было довольно распространён-

ным явлением, объединявшим людей, хорошо знавших друг друга и вместе переживших какое-либо серьёзное потрясение, и означало братство по духу, которое часто являлось крепче родства по крови.

Обряд братания имел разные формы. Вот один из них он проводился рано утром. Кандидаты в побратимы уходили в степь и, стоя на коленях и положив на плечи друг другу руки, ждали восхода солнца.

Когда солнце всходило, они целовали землю, читали молитвы и обменивались нательными крестами и рубашками, троекратно целовали друг друга и шли в церковь на исповедь. Основная обязанность побратимов заключалась в том, чтобы без зова приходить друг другу на помощь.

Были случаи на фронте, когда перед решающим сражением происходило братание целых казачьих подразделений. Родство и побратимство сплачивали казачью общину в одно целое, делали её ещё более монолитной единицей.

Для прохождения действительной службы молодой казак обязан был явиться на сборный пункт в сопровождении своего отца. Рядовые за свой счёт приобретали вооружение, снаряжение, строевых и вьючных лошадей, обеспечивали себя на время командировок в крепости и гарнизоны.

От всей семьи требовалось большое напряжение сил, чтобы казак имел всё необходимое для службы.

И если комиссия находила, что строевая лошадь или снаряжение призывника не годны, то отец тут же должен был

приобрести снаряжение у поставщиков.

Если он такой возможности не имел, эти заботы брало на себя казачье общество, причём все расходы затем взыскивались с отца казака. Случалось так, что отец выплачивал долг по несколько лет, даже после возвращения сына со службы.

К действительной службе казак готовил себя с самого детства. И когда подходил его срок, всё личное откладывалось на долгие годы. Вся жизнь его с этого момента принадлежала войску и строго регламентировалась положениями и наставлениями.

Невесту казак выбирал из казачьего сословия. Свадьбу справлял на широкую ногу, с приглашением гостей, богатыми столами и большим количеством спиртного, от 10 до 40 вёдер на одну свадьбу.

Но бывали и исключения. Казаки переходили в запас в 38 лет, и немало из них из-за отсутствия средств на женитьбу оставались холостяками. А девушки-казачки считали для себя позором выйти замуж без взноса за них их родителями.

Не менее шумными и длительными были проводы на службу. Две недели все родственники и знакомые казака пиروвали, ходили друг к другу в гости. Прощались.

В день отправки гости собирались за столом в доме казака. Походный сидел в красном углу. Рядом с ним отец и мать. Все пили и желали казаку благополучной службы.

После застолья отец и мать благословляли и напутствовали сына. Все выходили на улицу и песней провожали поход-

ного в дальнюю дорогу. И начинается у казака новая жизнь в боях, сражениях и напряжённых учениях, прерываемых праздниками, которых в русской армии насчитывалось 29.

Казаки свято хранили память о своих погибших товарищах. Лишь небольшая часть трофеев, захваченных в бою, ими распределялась между собой. Примерно столько же передавалось атаманской казне и церкви. Всё остальное принадлежало семьям погибших.

Коллективизм, товарищество, чувство собственного достоинства являлись отличительными чертами казачества во все периоды его истории.

Согласно уставу о воинской повинности и положению, военная служба казаков начиналась по достижении ими 18-летнего возраста, вначале в течение трёх лет в подготовительном разряде, затем в строевом разряде в течение 12 лет – из них 4 года на действительной службе и 8 лет на льготе, то есть дома, в своей станице, периодически участвуя в военных сборах.

После чего казак в 33 года переводился в запасной разряд, где пребывал пять лет, после чего переходил в ополчение. Таким образом, общий срок службы казака равнялся 20 годам. Строевую службу казаки проходили далеко за пределами войска.

Внешнему виду казаков, их форменному обмундированию придавалось большое значение. Своеобразно относились казаки к своему головному убору, который служили

символом принадлежности их к казачеству.

При входе в дом по количеству фуражек или папах в прихожей на вешалке можно было судить о том, сколько здесь проживает казаков.

Фуражку погибшего казака привозили домой. Кто-то из станичников с обнажённой головой заходил в дом его родных и клал фуражку под образа. Это означало, что хозяина фуражки уже нет в живых.

В дни поминаний и религиозных праздников перед фуражкой зажигали свечку и ставили стакан водки, накрытый кусочком хлеба. Обычно, когда атаман или представитель казачьего руководства заходил в дом, он мог без разрешения войти в горницу, сесть за стол и попросить хозяйку пригласить самого или передать какую-либо просьбу.

Но когда под образами лежала фуражка, отношения были иными: атаман без разрешения уже не входил и обращался к вдове по имени и отчеству.

Если впоследствии вдова выходила замуж, то её новый муж тайком брал фуражку из-под образов, уносил к реке и опускал в воду со словами: «Прости, товарищ, но не гневайся, не грехом смертным, но честью взял я твою жену за себя, а детей твоих под свою защиту. Да будет земля тебе пухом, а душе – райский покой».

Основным вооружением казака являлись винтовка для ведения прицельного огня и пика для нанесения первого удара и преследования противника.

Шашка являлась завершающим элементом внешнего вида казаков и носилась ими в ножнах обухом вперёд на плечевой портупее. К этому виду холодного оружия казаки испытывали особое расположение. В каждой казачьей семье имелась своя родовая шашка. Она хранилась наравне с наиболее ценными и важными предметами и передавалась по наследству.

Как святыню оберегали казаки свои боевые знамёна – символ их воинской чести, доблести и геройства.

Ну и, конечно, стоит повторить, что основой живущих в станице людей было православие.

Являясь жителями сельской местности, где вера в бога была возведена в непререкаемый культ, казаки следовали установленным церковью правилам.

По праздникам и в пост ходили в храм, при этом обязательно надевали парадную форму. Хуторские и поселковые атаманы следили за этим и налагали штраф на казаков, если они появлялись на богослужении в какой-либо неисправности.

В прошлом часто бывало: при переселении казаки разбирали свою церковь, перевозили на новое место и устанавливали вновь. Однако ежедневное хождение в церковь обязательным не было.

Нет, конечно, среди станичников, особенно пожилых, встречались и те, кто молился с утра до ночи и соблюдал все посты, но в целом казаки в религиозных вопросах особого фанатизма (например, вроде нынешнего исламистского с его

стержнем – учением о джихаде и убийстве всех неверных) не проявляли, особую ревностность проявляя разве что по религиозным праздникам.

Отмечая их, казаки редко обходились без спиртного. Веселились на славу. Пили помногу, долго, по целой неделе. Храмовые же праздники праздновались по 3-4 дня подряд, отнимая много времени.

Среди казаков были распространены суеверия: вера в кладь, в существование ведьм, колдунов, в изурочивание, в сглаз, в заговоры от лихорадки и др. Зимним вечером, когда за окном мороз и буран, большие казачьи семьи собирались в тёплом углу у печки, при тусклом свете керосиновой лампы, в присутствии детей, обсуждали невероятные истории, связанные с народными поверьями.

По убеждению казаков, в каждом доме имелся свой домовый, в виде маленького старичка, ростом всего в пять вершков, с длинными седыми волосами и бородой. Он жил под печкой или в подполье. Ночью, когда все спали, домовый выходил из своего убежища и охранял дом и хозяйство. Если в хозяйстве что-то не ладилось, то нередко казак объяснял свои неудачи просчётами и невниманием домового.

Другой персонаж поверий, леший, по представлению казаков, жил в глухой чаще не один, а с женой и дочерьми, которые ходили нагими, с длинными, до пола волосами. Если им кто-то попадался в лесу, они его ловили и стремились защекотать до смерти.

Казак с детства знал, как поступать, если придётся встретиться с дочкой или женой лешего. В этом случае надо немедленно читать «воскресную» и не допускать их до себя, иначе начнут прельщать мужчину своими прелестями, представятся писаными красавицами. Человек заглядится, а она незаметно подберётся и защекотит.

В представлении казаков водяному не приписывался человеческий образ, как лешему и домовому, он представлял что-то страшное и неопределённое. Жил семейно: с женой и дочерьми-русалками. Последние выходят из воды ночью, садятся на мост, плотик или просто берег и чешут себе волосы. Если кто подойдёт к ним, то они стараются заманить к себе и утопить.

Но русалок казак не боится, «с бабами он вообще мало считается, а русалка тоже баба, ну с ней разговор короткий – за волосы да об пол».

ПЕРВЫМИ ВОШЛИ В МОСКВУ

При царствовании Александра I на Россию обрушились такие испытания, перед которыми блёкли все битвы предыдущего столетия, ибо этот император ухитрился вовлечь Россию в войну с практически всеми её соседями и даже с государствами, находящимися весьма далеко от Русской земли.

В Закавказье, вместо того чтобы сделать персов союзниками в войне с турками, русские воевали, Персией, вступившись за продажных властителей Грузии.

В 1805 году загромыхали войны против Наполеона в союзе сперва с Австрией, а потом с Пруссией. А Наполеон, в свою очередь, в 1806 году втянул в войну против русских Турцию.

Но казаки не ругали царя за ошибки и послушно лили свою кровь от Балтики до Чёрного моря, покрыв себя славой на всех фронтах.

Кстати, бывшие союзники России были не прочь порезвиться на её территории. В 1812 году на Россию пошли «двунадесять языков» – не только враги-французы, но и бывшие мнимые друзья: пруссаки, поляки, баварцы, саксонцы, австрийцы, итальянцы, венгры и проч.

Когда 12(24) июня 1812 года эти полчища начали переправу через пограничный Неман, первыми их встретили ка-

заки. Пикеты лейб-гвардии казачьего полка послали первые пули в захватчиков. А командовавший постами штаб-ротмистр А.Н. Рубашкин немедленно доложил командиру полка В.В. Орлову-Денисову, который послал к ничего не знающему о войне царю, находившемуся в Вильно, донесение с урядником Иваном Крючковым.

Всего на начало войны в армии находились 50 донских казачьих полков, 10 уральских, 6 оренбургских, 2 бугских, 2 чугуевских, 1 ставропольский, 4 башкирских, но они тоже были разбросаны по разным группировкам.

На главном направлении группу из 14 полков с ротой артиллерии возглавил Платов. Наполеон направил крупные силы против слабейшей армии, Багратиона, надеясь легко раздавить её и сбросить со счетов. Но Платов прикрыл её отход, задержал врага – и одержал первые в этой войне победы. Атаманский полк у деревни Кореличи 26 июня заманил в венгерскую бригаду Турно, она была разгромлена. Командующий французским авангардом Латур-Мобур бросил сюда дополнительные части, дивизию Рожнецкого.

Но и к Платову подошло подкрепление. И 28 июня у местечка Мир враг снова был разбит. Платов доносил: «Сильное сражение продолжалось часа четыре, грудь на грудь. из шести полков неприятельских едва ли останется одна душа, или, может, несколько спасется. У нас урон невелик».

А 12 июля Платов получил приказ совершить набег по тылам врага. Провели его мастерски. Разбившись на неболь-

шие отряды, казаки вдруг объявились повсюду – под Могилёвом, Оршей, Шкловом. Жгли, громили, били небольшие партии неприятеля, а стоило поднять тревогу – уже исчезали. Это было началом того кошмара, которому предстояло сопровождать французов всю кампанию.

Вскоре по единодушным настояниям всего русского общества царь, скрепя сердце, назначил главнокомандующим нелюбимого им Кутузова. Позиция для генерального сражения им была выбрана у села Бородино.

А чтобы оборудовать её и задержать врага, был дан арьергардный бой у Шевардино и Колоцкого монастыря. На 12 тысяч наших воинов 24 августа навалилась вся французская армия. Казачьими полками здесь командовал генерал Иван Кузьмич Краснов.

Ядром ему «измочалило ногу», но он продолжал руководить боем. Лишь отразив очередную атаку, передал руководство Иловайскому 5-му и позволил отвезти себя на перевязку, где и скончался.

В 23 часа остатки защитников по приказу Кутузова отошли. Французы же были поражены: как при подобном неравенстве сил вообще можно было сопротивляться так долго? Немало был удивлён и Наполеон, когда на вопрос о количестве пленных ему ответили – «ни одного, они не сдаются».

А 26 августа 130 тысяч французов и 120 тысяч русских сошлись в Бородинской битве. Вопреки утверждениям некоторых авторов, доверившихся французским источникам, будто

Платов «был настолько пьян», что не участвовал в баталии, на самом деле под Бородином Платов весьма эффективно командовал девятью казачьими полками на правом фланге, что подтверждают все русские документы того времени.

Битва вылилась в жесточайшие лобовые схватки. Через несколько часов огненного ада и рукопашных французам удалось овладеть Багратионовыми флешами и батареей Раевского. Наполеон подтянул к этому участку 35 тысяч войск, 300 орудий и готовил решающую атаку. Собирался ввести главный резерв Старую гвардию. Но в это время Кутузов бросил в обходной рейд казаков Платова и 1-й кавалерийский корпус Уварова. В его составе, кстати, тоже были казаки – лейб-гвардейский полк и черноморская сотня. Хорунжий этой сотни А.Д. Бескровный с двумя взводами врубился на вражескую батарею, покروшив прислугу.

Рейд Уварова и Платова вызвал решающий перелом в битве – Наполеон передумал бросать в сражение Старую гвардию и отступил. Поле боя осталось за русскими.

Французы потеряли около 50 тысяч человек. Но и армия Кутузова потеряла 58 тысяч. Обещанные ему подкрепления не подходили или существовали только на бумаге, в то время как к врагу подтягивались отставшие части. И пришлось снова отступить, на совете в Филях было принято решение оставить Москву.

Однако тем самым Кутузов готовил французам полную гибель. Хорошо известны его слова: «Будут они у меня жрать

конину, как турки!»

Пока французы мародёрствовали и разлагались в Москве, в Тарутине усиливалась и формировалась русская армия. По призыву Платова оставшийся на Дону наказной атаман Адриан Карпович Денисов провёл поголовную мобилизацию.

Платов распорядился не брать только 17-18-летних, которые бессмысленно погибнут. В неимоверно сжатые сроки было создано 26 полков, форсированным маршем выступивших к армии.

Платов, кстати, ещё и объявил, что выдаст свою дочь Марию за того казака или пусть рядового солдата, который сумеет пленить Наполеона. Была даже выпущена гравюра с портретом молодой казачки и подписью «Из любви к отцу отдам руку, из любви к Отечеству – сердце!»

Но поднимался не только Дон. Оренбургский губернатор сформировал 5 полков оренбургских казаков, 5 уральских, 19 башкирских, 2 мещерякских; 10 казачьих полков создавались в Сибири. Но и из крестьян южных районов многие вспомнили, что их предки были казаками на стародавних рубежах и засеках! Части из таких добровольцев формировались в Кашире, два казачьих полка по 1200 всадников были созданы в Тульской губернии.

Царь решил привлечь к борьбе и упразднённое малороссийское казачество. Было учреждено Украинское войско «из людей к казачьей службе способных и издавна навыком к ней и охотой к ней известных».

И желающих хватало. В Киевской и Подольской губерниях под руководством наказного атамана Де Витта в два месяца было сформировано 4 конных полка общей численностью 4700 казаков.

Они вошли в 3-ю армию Торماسова (которого вскоре сменил адмирал Чичагов), в боях останавливали австрийцев Щварценберга и саксонцев Ренье, наступавших на Украину.

Наполеон, видя, как его армия на глазах превращается в банду, вывел войска из Москвы и начал отступать. В Москве Наполеон оставил арьергард Мортье с задачей взорвать Кремль, дворцы, святыни соборов.

Сделать это не позволили безвестные русские патриоты, потушившие фитили многих мин. А потом подоспели казаки – первым в Москву ворвался полк «недюжинного» В.Д. Иловайского 12-го, истребивший и выгнавший оставшихся в городе врагов.

После этого Василий Дмитриевич приобрел огромную популярность в народе, его изображали на лубочных картинках с подписью: «Там же на правой стороне Иловайский на коне, казачий хлопчик французов топчет».

В преследование были направлены авангард Милорадовича с 2 пехотными, 2 кавалерийскими корпусами и 5 казачьими полками, отряд Платова из 20 казачьих полков, отряды Орлова-Денисова, Кайсарова, Кудашева, Ефремова и др.

В западной литературе бытует версия, пущенная самим Наполеоном, будто его армию уничтожил «русский мороз».

Это ложь. Все дневники и воспоминания современников свидетельствуют, что стояла очень тёплая солнечная осень. «От Малого Ярославца до Вязьмы время было очень тёплое». «От Вязьмы до Смоленска были приморозки, около Ельни выпал первый снег, но очень малый». «От Смоленска до Борисова холод был сильнее, но сносный, мы ночевали на поле без крыш».

Да ведь и Березина ещё не замерзла. И только после Березины ударили сильные морозы. Но к этому времени французской армии уже не существовало. Она была разгромлена. И огромную роль её уничтожении сыграли казаки. Они вцепились в отступающих врагов намертво и буквально повисли на них.

Французский генерал Моран писал: «Какое великолепное зрелище представляла наша кавалерия, когда, блистая при лучах июньского солнца золотом и сталью, пылая отвагою, она гордо развёртывала свои стройные линии на берегах Немана!

Какие грустные размышления возбуждали эти перестроения, утомлявшие только лошадей и людей и оказавшиеся совершенно бесполезными в делах с теми самыми казаками, которые до сих пор были презираемы всеми, но которые так много сделали для славы России...

Одна из лучших и храбрейших кавалерий, какую только когда-либо видели, приходила в расстройство в делах с теми людьми, которых она постоянно считала недостойными себя,

но которые, тем не менее, были истинными освободителями своего отечества».

Вместо того чтобы взять с французов контрибуцию золотом и заморскими колониями, а также заставить их надавить на турок, чтобы те отдали русским Дарданеллы и Константинополь, в январе 1813 года русские войска за счёт госбюджета зачистили Европу от французов для Англии, Швеции, Пруссии и Австрии.

Впрочем, тупость государей не отменяет мужество героев. В составе «летучего отряда» генерал-адъютанта А.И. Чернышёва донские полки Киселева 2-го и Власова 3-го в феврале 1813 года ворвались в Берлин, разгромив 6-тысячную группировку Ожера.

Затем этот отряд, в значительной мере состоявший из казаков, овладел Люнебургом, разбил дивизию Морана, пленив весь штаб, совершил дерзкий рейд в Вестфалию – в результате чего и Вестфалия вышла из числа наполеоновских вассалов. Бонапарт всё же сумел оправиться от катастрофы, мобилизовать новые армии. А наши войска понесли тяжёлую утрату – умер Кутузов.

В тяжелых и неудачных для русских сражениях при Люцене, Бауцене, Дрездене покрыли себя славой лейб-казаки, полки Иловайского 9-го, Гривцова, уральские полки № 5 и № 6.

А в октябре 1813 года грянула Битва народов под Лейпцигом. В разгар схватки Наполеон собрал кулак из 100 эс-

кадронов лучшей кавалерии и бросил на центр русских позиций; 8 тысяч кирасир и улан Мюрата проломили линии 2-го пехотного корпуса и прорвались к ставке Александра I.

Спас положение и изменил ход битвы лейб-казачий полк. Его командира, отважного Орлова-Денисова, император послал за подмогой, а казаков повёл в контратаку полковник И.Е. Ефремов.

Дружный удар в пики отбросил неприятеля, особенно отличился вахмистр Тимофей Першиков, сразивший нескольких латников и французского генерала.

Подоспели и другие части гвардейской конницы, приведённые Орловым-Денисовым. И неприятель покатился назад.

Лейб-казаки гнали его до расположения французских войск, причём отступающая вражеская кавалерия не попала в промежутки своей пехоты и смяла её. Лишь спешно выдвинутая французская батарея остановила лейб-казаков залпами картечи.

Несмотря на понесённые потери и раны, они возвращались гордым победным строем и мимо царя прошли с песней. На других участках сражения, продолжавшегося три дня, великолепно дралась группа из 6 донских полков генерал-майора Петра Матвеевича Грекова, уральские полки № 3 и № 4, оренбургский полк № 3, черноморцы, полки украинских казаков.

Общее руководство казаками разных войск осуществлял

оболганный французами «пьяница» Платов, удостоенный за Битву народов высшего российского ордена Андрея Первозванного.

А когда неприятеля сломили и войска Наполеона стали откатываться назад, Платов организовал общее преследование лавиной казачьих частей. Армии антинаполеоновской коалиции вступили во Францию.

Враг ещё жестоко отбивался, выскребал резервы, но дни владычества Бонапарта были сочтены. А 17 января кто-то из казаков опять упустил шанс стать зятем Платова. Наполеон вспоминал: «Под Бриенном я шпагой отбивался от казаков».

Казачьи доблестно дрались при Ларотьере, Краоне, Лаоне, совершили глубокий рейд под Фонтенбло, наведя панику на Париж; 4 февраля отряд Платова из нескольких донских и черноморских полков подступил к сильной крепости Намюр.

Сдаться она отказалась, но Платов осадил город, начал бомбардировку из орудий своей единственной конной батареи, а ночью устроил штурм. Казачьи, поднимая побольше шума, полезли на стены, подожгли ворота. И гарнизон капитулировал. Когда обезоруженные французы узнали, что атаковала их лишь горсть казаков, они были весьма раздосадованы.

Отряд А.Х. Бенкендорфа в это время освобождал Голландию и Бельгию. Будущий шеф жандармов являлся тогда отважным кавалерийским командиром и писал: «Безграничное самолюбие есть одно из отличительных свойств казаков,

и я этим пользовался. В виду регулярных войск, из одного соревнования с ними, они готовы на всё, и трудно себе представить такую лихую, молодецкую атаку, как под Жюилье, когда казачий полк Жирова шёл в атаку справа, полк Сысоева слева, а два эскадрона новгородских гусар в середине...».

Донцы отряда Бенкендорфа первыми ворвались в Амстердам. А главные союзные силы шли на Париж. В штурме Монмартра 18 марта 1814 года участвовали лейб-казаки и полк И.Д. Иловайского. На следующий день Париж покорился победителям.

За героизм в войне 1812-1814 годов многие казачьи части получили коллективные награды – Георгиевские штандарты, серебряные трубы, золотые и серебряные петлицы. Казаки на два месяца расположились биваком на Елисейских Полях.

Чувствовали они себя во Франции вполне комфортно, без комплексов. Как известно, именно от них произошло французское слово «быстро» – когда казакам требовалось взять винца, они понукали хозяев кафе: «Ну-ка быстро, быстро!» К лагерю на Елисейских Полях стекались любопытные парижане и особенно парижанки. И казаки не отказывали дамочкам во внимании. Надо думать, довольно многие французы последующих поколений имели в жилах частичку казачьей крови.

Имя казаков в ту пору вообще гремело по Европе. Знаменитый прусский маршал Блюхер во время войны составил из них личный конвой. Казаков изображали на чашках,

платках, гобеленах. В высшем свете появились одежда «казакин», а на балах – танец «казачок», впрочем, имеющие мало общего с казачьими нарядами и настоящим «казачком».

После взятия Гамбурга 60-летний донец Александр Землянухин из полка Сулина 9-го был послан с донесением в Англию и стал там сенсацией. Его пика, сразившая 39 французов, попала в Британский музей. В честь Землянухина новый английский корабль получил название «Казак».

А по окончании войны Британию посетили с визитом царь и Платов, который, по сути, затмил своего монарха. Англичане не давали атаману проезда, с криками «ура» подхватывали и несли на руках. Дом, где он остановился, осаждали тысячные толпы.

В его честь изготовлялись медали и медальоны, слагались стихи, писались портреты не только Платова, но и его коня. А из хвоста этого коня британские леди старались вырвать волосок. Наперебой приглашали в гости, на банкеты, в театры. И атаман, чтобы никого не обидеть, объезжал театры по очереди – при его появлении и публика, и актёры устраивали овации. Оксфордский университет присвоил ему звание почётного доктора права.

Однако чрезвычайная популярность не вскружила голову Платову. Он даже и в Петербурге бывать не любил. Говорил: «Здесь всё прекрасно, но на Дону лучше, там есть всё, кроме роскоши, которая нам не нужна.

Человек, подходящий ближе к природе, сильнее привязан

к своему Отечеству. Человек роскошный, не имеющий подобных чувствований, обыкновенно бывает космополит.

А россияне должны чуждаться космополитизма, и тогда мы всегда будем первым народом в свете, страшным врагам».

УДАР В СПИНУ

Увы, русский народ, освободивший Европу, кроме громкой славы, ничего хорошего не получил. Царь уже на заключительном этапе войны раздал русские войска по трём армиям под командованием иностранных полководцев.

В дальнейшем увлечение двора иноземщиной только усиливалось. И именно тогда знаменитый полководец Ермолов на предложение просить себе награду сострил: «Государь, произведите меня в немцы».

Национальная государственная политика исчезла – Александр I стал проводить политику «панъевропейскую», создав Священный Союз. В Россию хлынули иностранные советники, учителя, гувернёры. Стали бурно плодиться организации масонов, иезуитов, спиритов.

А на победоносные русские войска вдруг обрушились. гонения! Полагая, что главное предназначение армии – красиво маршировать, Александр I пришёл к выводу, что она в походах «разболталась». В частях началась такая муштра, по сравнению с которой вахт-парады Павла выглядели безделицей.

Широко внедрялись телесные наказания на плацу – розги, фухтели, прогоны сквозь строй. Во время таких публичных избиений погибли тысячи русских солдат.

Именно тогда Россия сделала первый шаг к катастрофе

1917 года.

В 1848 году покатылся вал революций – во Франции, Италии, Германии. В Австрийской империи восстали венгры. Громили немцев, славян, румын. И император Франц-Иосиф обратился с мольбой о помощи к русскому царю, который, как и его предшественники на троне, был послушной марионеткой Запада.

Вместо того чтобы выторговать для Отечества полезные бонусы в виде денег и земель, в 1849 году следующий за Александром I император Николай I задарма двинул армию в Европу.

Русские перебили революционеров. Денег с Европы за это не взяли. Вся кампания продлилась 1,5 месяца и не только замирила Австро-Венгрию, но и позволила дипломатическими мерами стабилизировать положение в Германии – немецкие революционеры перепугались, что и к ним нагрянут «дикие казаки и калмыки», и король смог взять ситуацию под контроль. Австрийцы, восстановив порядок у себя, подавили итальянскую революцию. Скатывание Европы в катастрофу было предотвращено.

Но для России политические последствия стали горькими. Вместо благодарности спасённая от резни Европа сплотилась в борьбе против России. К началу 1850-х годов пресса всех европейских государств дружно облаивала Россию и русских. Что интересно: в момент, когда антирусская истерия в Европе достигла апогея, туповатый Николай был убеж-

дён, что весь мир, как никогда, благодарен ему за «восстановление мира».

Чтобы спровоцировать конфликт, европейцы использовали Турцию. Чувствуя за собой силу западных держав, она стала вести себя вызывающе и в 1853 году объявила России войну. Изумлению царского двора не было предела.

Но пока Николай I и его дворня отходили от шока, казаки уже вовсю рубились с басурманами. Турецкий полководец Ахмет-паша, видя, с какой безумной смелостью сражаются казаки (броситься одному на трёх-четырёх турок было для казаков нормальным поступком), воскликнул: «Русские либо с ума сошли, либо упились своей поганой водкой!»

Казаки били турок на всех фронтах. И везде успешно. На Дунае прославилась ракетная (!!!) батарея дунайских казаков. Прикрывала переправы, осаживала попытки турок прорваться в гирла Дуная.

К этому времени в Синопе адмиралом Нахимовым был уничтожен турецкий флот. Турция была разбита наголову. Оставалось только отобрать у неё Константинополь и проливы.

Но тут России ударили в спину. Вступили в войну Англия, Франция и их союзники. Что самое интересное: только-только спасённая русскими Австрия отплатила за недавнее спасение чёрной неблагодарностью – двинула войска к русским границам. Воистину: главный враг России – её безумная дипломатия, плодящая врагов и гадящая друзьям.

Англо-французский флот вошёл в Чёрное море, в апреле 1854 года напал на Одессу. Город отстояли батарея прапорщика Щёголева и казаки 2-го дунайского полка В. Тихановского. Их конная батарея обстреляла и повредила севший на мель английский паровой фрегат «Тигр», а потом казаки на лодках захватили его, пленив команду. Азовскому войску в это время была поручена эвакуация фортов на кавказском берегу, которые при ударах с моря были бы обречены. Теперь казаки и солдаты сами разрушали построенные с таким трудом укрепления.

В сентябре вражеские армии высадились у Евпатории, пользуясь двойным превосходством, одержали победу при Альме. Началась беспрецедентная 11-месячная осада Севастополя. Полной блокады не было. Полевая армия Меншикова поддерживала связь с гарнизоном, несколько раз атаковала осаждавших. Увы, они тоже успели укрепиться, ошетиниться батареями, и кровопролитные сражения не дали результатов.

Под Севастополь, пользуясь господством на море, враги могли беспрепятственно подвозить любое количество войск, орудий, боеприпасов. Нашей же армии всё это приходилось доставлять с большим трудом, гужевым транспортом, через бездорожье Украины и Крыма. К тому же англичане пытались напасть на Кронштадт, Архангельск, Соловки. Были отражены, но русскому командованию пришлось держать крупные силы на Балтике, Севере, в беспокойной Польше,

на австрийской границе.

Народ воспринял вторжение так же, как в 1812 году Сно-ва формировались ополчения. Войско донское провело поголовную мобилизацию, выставив 87 полков и 14 батарей. В Крым пошли также уральцы, оренбуржцы. Особую славу стяжали два батальона черноморских пластунов.

Об их кавказских подвигах мало кто знал, и в Крыму сперва не обратили внимания на оборванцев с черкесскими винтовками и кинжалами. Но вскоре о них заговорили все. В сражении под Балаклавой они захватили 4 редута. А войдя в состав гарнизона, начали регулярные вылазки. Поутру французы обнаруживали передовое охранение перерезанным или исчезнувшим.

Снайперские пули казаков поражали любую цель в пределах дальности выстрела. Нашумел случай, когда пластуны из-за бомбардировки остались без обеда и утащили у французов прямо из-под носа два огромных котла с горячим супом. Из 1600 пластунов 220 навсегда остались лежать в Севастополе. Оба батальона были награждены Георгиевскими знамёнами, а весь личный состав – крестами и медалями.

А вместе с легендарным матросом Кошкой ходил на вылазки 55-летний донской казак Перекопской станицы Осип Иванович Зубов. Отпросившись на 3-й бастион, он выкопал в земле каморку, зажег ночью лампаду у иконы и молился, будто инок. Был спокоен при самых жутких обстрелах и атаках. И, выбираясь по ночам к англичанам, совершал неве-

роютное: дрался один против толпы, притаскивал пленных офицеров. Зубова и Кошку стали назначать начальниками партий, передовых цепей.

Не в силах сломить героическую оборону, англичане и французы предприняли поход в Азовское море с целью захватить порты и склады, овладеть крымскими перешейками и лишить русскую армию снабжения. Огромный флот захватил Керчь, Анапу. Как пишет историк А.А. Керсновский, «войска «просвещённых европейцев» вели себя хуже людоедов, не щадя ни женщин, ни детей».

В Петербурге царила паника. Николай I и придворные готовы были уже отдать агрессорам не только Крым, но и часть Украины и Кавказа. К тому же царь от нервного потрясения (ещё бы: за один день превратиться из мирового жандарма во врага «просвещённой Европы») тяжело заболел, и Россия практически лишилась центральной власти.

И тут своё веское слово сказали казаки. Азовское побережье прикрывали посты из казаков старших возрастов и малолетки. Армада из 68 кораблей 22 мая подошла к Таганрогу. Обороняли его горстка гарнизонных солдат и донской учебный полк из 17-летних юнцов и стариков-наставников. Но на предложение сдаться ответили отказом. Бомбардировка длилась 6 часов. Потом англичане высадили десант, но его контратакой сбросили с крутой горы.

Эскадра проследовала к Мариуполю. Опять предложение сдачи, бомбардировка, десант. К месту высадки подоспел

полковник Кострюков с двумя сотнями 66-го полка и причалить не дал. Последовали нападения на область Азовского войска – Бердянск, Кривую Косу.

У Петровской станицы после обстрела враг спустил на воду 100 лодок десанта. Но азовские казаки отбили их, не допустив до высадки. Два месяца подряд неприятельские корабли штурмовали казацкие позиции.

Во время шторма пароход «Джаспер» сел на мель. С постов прискакали донцы 70-го полка, вошли по грудь в воду, чтобы было поближе, стали стрелять из ружей. Англичане сперва отвечали огнём, но нервы не выдержали, сели на шлюпки и отчалили к своим, а казаки бросились вплавь, захватили пароход, 2 пушки, флаги.

Однако защищать Севастополь становилось все труднее. Он был превращён в груды развалин, погибали лучшие командиры, матросы, солдаты. Восьмого августа французы смогли овладеть Малаховым курганом.

Подкрепления и боеприпасы перестали поступать (чиновники в Петербурге Севастополь уже списали со счетов) и дальнейшая оборона потеряла смысл. Но русские войска ушли непобеждёнными – с оружием и знамёнами. А неприятель понёс такой урон, что уже не мог развить свой успех.

Очутившись в международной изоляции, Россия всё-таки сумела сохранить за собой и Украину, и Кавказ, и даже Крым. Александр II, сменивший на престоле умершего Николая I, оказался умным и энергичным политиком. И ему

даже удалось вернуть стране захваченный европейцами Севастополь.

Хотя, конечно, победители навязали России тяжёлые условия мира. По сути, это была своего рода почётная капитуляция. По ней Россия отказывалась от Сербии, Румынии и Молдавии. Русским теперь запрещалось иметь военный флот и базы на Чёрном море.

КАЗАЦКИЙ УМ ОСТЁР, КАК ШАШКА

Новые военные реалии требовали от казаков образованности. И в этом отношении казачество во многом опережало своё время, а ум казаков был остёр, как и их шашки.

В казачьих поселениях существовали свои казачьи школы, в которых дети учились не только читать и писать, но и познавали военное искусство.

В младших классах с деревянными винтовками отрабатывали воинские приёмы. В старших же классах, пока ещё с деревянными шашками, познавали азы кавалерийского боя. Администрация войска особо уделяла внимание школьному образованию, контролировала работу школ.

В 1871 году Оренбургский наказной атаман генерал К.Н. Боборыкин своим приказом по войску ввёл обязательное обучение детей всех казаков. Исполнение этого приказа шло с большим трудом, не хватало учителей, школ. Но постепенно школьное дело налаживалось, и в 1880 году уже 70% казаков-мальчиков посещали школы.

Каждый, кто приезжал в те годы в оренбургские станицы, обращал особое внимание на нарядную церковь посередине села, а возле неё два больших здания под железными крышами, выкрашенными зелёной краской; в них размещались

не только мужская, но и женская школы – невиданное дело даже для крупных российских городов.

За ходом учебного процесса постоянно следило местное станичное и хуторское руководство. Если кто-то из казачат начинал пропускать занятия, получать неудовлетворительные отметки, немедленно оказывалось воздействие на родителей отстающего ученика.

Часто дело не заканчивалось только беседами и угрозами, родителей штрафовали, наказывали и даже сажали под арест. Особенно сильно муштровали учеников накануне приезда различных комиссий. Такое отношение к школьному образованию позволило к началу XX века поднять уровень грамотности казаков до 69,5% среди мужчин и 50,3% среди женщин, значительно превысив уровень грамотности других казачьих войск России.

Выпускные экзамены в казачьих школах почти всегда проходили в станицах, куда организовано свозили учеников из отдельных селений. Создавали торжественную обстановку. День экзаменов превращался в праздник не только для учеников, но и для их родителей, близких, друзей. Учителя негласно соревновались между собой, старались перещеголять друг друга и как можно больше получить в своём классе похвальных листов.

Свидетельство об окончании казачьей школы подписывали учителя и попечитель школы, наблюдатель за школами, станичный атаман, атаман отдела. Оно заверялось печатью

управления военного отдела. К началу XX века в станицах и посёлках оренбургского казачества работало 520 школ, из них 359 – мужских и смешанных, 161 – женская. Обучением 34 590 казачат занимались 758 учителей.

Серьёзное отношение к школьному образованию стало традиционным для казаков и передавалось от поколения к поколению.

Общеобразовательный уровень казаков до Октябрьского переворота был значительно выше других групп сельского населения. Так, по переписи 1897 года в Оренбургской губернии грамотных, то есть умеющих читать и писать, среди мужчин насчитывалось 29,6, а среди женщин – 11,4%. Уровень же грамотности казаков к этому времени достигал 60%.

КАЗАКИ ПРОТИВ САМУРАЕВ

Николай II, вступивший на престол в 1896 году, вёл себя очень странно: то предпринимал безумно либеральные реформы, то вдруг становился твердолобым реакционером.

Страдали от причуд нового царя все, в том числе и казаки. Уже в 1896 году иногородним разрешили селиться в казачьих войсках. И сюда с Кавказа, Украины и даже с Балкан хлынули толпы бродяг, обнищавших крестьян, воров и рабочих, уволенных с заводов за неблагонадежность.

И к 1900 году число иногородних превысило количество казаков. Результаты были негативными. С одной стороны, поток извне ухудшал положение казаков. Снижалось паевое довольствие. Уже не хватало земли для выпаса станичных табунов. А цены росли, и с 1900 года для казаков, призываемых на службу, царь был вынужден ввести пособия в размере 100 рублей на покупку коня.

Но, с другой стороны, и положение иногородних было тяжёлым, они завидовали казакам, относились к ним неприязненно. Таким образом, в войсках возникли мины замедленного действия.

Сами же казаки всё чаще стали использоваться в роли карателей, умирняя крестьянские восстания и разгоняя демонстрации недовольных условиями труда рабочих. Причина была проста – регулярные армейские части становились

всё менее благонадежными и боеспособными.

Жалованье офицеров, особенно младших (большинство из которых были из семей, уже дважды, а то и трижды заложивших банку родовое поместье), было мизерным. Солдаты же сочувствовали бунтовщикам, поскольку были классово более близки им, нежели командиры.

А международная обстановка накалялась. Англия и США делали всё, чтобы до зубов вооружить Японию современным оружием и натравить её на Россию. Всё более откровенно бряцала оружием Германия. Но вместо того чтобы ввязать её в войну с Англией и Францией, русские власти, позабыв о русской крови, пролитой в Крымской войне, взял курс на военный союз с Англией и Францией, на чьи деньги ориентировалась сырьевая часть экономики России.

Николай II пытался создать новый международный арбитражный суд, который мирно разрешал бы конфликты. Но Запад счёл это признаком слабости России. Над царём смеялись, и европейские газеты были щедро украшены карикатурами на русского царя-миротворца.

Науськанные Западом на Россию японцы в феврале 1904 года без объявления войны нанесли удар по русским кораблям в Порт-Артуре и Чемульпо и начали высадку на материк. Силы и ресурсы России были гораздо больше, но командовали русской армией бездарные полководцы. И она оказалась на краю гибели.

Но тут своё веское слово в Русско-японской войне сказали

казаки.

Первыми вступили в бой Уссурийская и Амурская бригады, 2 дивизии забайкальцев. Прикрывали фланги армии, вели разведку, совершали налёты на ближние тылы противника. Однако у забайкальцев выявилась огромная нехватка офицеров. Подразделениями командовали зауряд-хорунжие, зауряд-сотники, не имеющие никакой подготовки и лишь исполняющие обязанности хорунжих и сотников.

Но многие офицеры из других частей стремились на войну добровольцами, и к забайкальцам были назначены кавалеристы из лейб-гвардии – барон Врангель, Унгерн фон Штернберг, князь Долгорукий, Скоропадский (будущий гетман), испанский принц Хайме Бурбон и др.

Следующей в действующую армию прибыла Сибирская казачья дивизия Самсонова. Но вот у сибирских казаков обнаружилось явное снижение боевых качеств. Сказалось то, что они долгое время несли полицейскую службу. Атаковать в шашки и пики сибиряки не учились, у них были навыки таёжных охотников, и они превратились в «ездящую пехоту» – при встрече с противником сразу спешивались и брались за винтовки.

А следом прибывали всё более западные части – Оренбургская дивизия, Уральская бригада, 4-я Донская дивизия, Кубанская бригада. Но командование использовало их очень неумело: 25 тысяч казаков и пограничников были отвлечены на охрану железной дороги от мелких шаек китайских бан-

дитов. В январе 1905 года состоялся рейд отряда Мищенко в тылы противника, участвовали 8 тысяч шашек при 22 орудиях – донцы, забайкальцы, кубанцы. Организовывали поход и руководили им не казахи и даже не кавалерийские начальники. Казаки погромили японские склады, железнодорожные пути.

Донцы и сибирцы в отряде Мищенко, уральцы и забайкальцы в отряде Павлова храбро наступали в битве при Сандепу, захватив ряд укрепленных деревень. А в разведках отличился сотник 26-го донского полка Филипп Козьмич Миронов. С группой охотников брал языков, захватил обоз с продовольствием, был награжден двумя орденами.

Но затем в результате непроверенных слухов, будто японцы готовят массы хунхузов для разгрома русских тылов, командование сочло, что охраняющих коммуникации 25 тысяч шашек недостаточно, и отправило в тылы дополнительные силы, в том числе Донскую дивизию.

Те казаки, что остались на фронте, зарекомендовали себя с лучшей стороны. В неудачном для русских сражении при Мукдене Забайкальская дивизия Ренненкампа с приданными ей пехотными частями сдержала натиск целой японской армии Кавамуры и отступила в порядке, огрызаясь контратаками.

Русские войска отступили, отдав значительную территорию, пал после героической обороны Порт-Артур, погибла при Цусиме эскадра Рожественского. В ходе боёв полегло 37

тысяч наших офицеров, солдат, казаков, матросов. Но продолжали прибывать свежие части, в Маньчжурии сосредоточились 3 наших армии, 38 дивизий.

Ренненкампф провёл блестящий набег по тылам Кавказа, Мищенко – успешный рейд по тылам армии Ноги. Отряд из 4 тысяч шашек с 6 орудиями и 8 пулемётами погромил большую часть армейских тыловых учреждений, захватил сотни пленных.

Нет, война не была проиграна. Японцы в ходе своих наступлений понесли урон втрое больший. Они выдохлись, исчерпали резервы, пополнения выскребались уже необученные и слабые. Итог предстоящего решающего сражения было предсказать нетрудно.

Но. Россия снова получила удар в спину. Грянула революция 1905 года. Организована она была кругами международного масонства и сионизма, которые, кстати, этого не скрывали. Глава иудейской ложи «Бнайт Брит» американский банкир Якоб Шифф за свои заслуги по подготовке русской революции даже получил орден от японского микадо.

Напуганный террористами царь предпочёл замирился с Японией. В Токио прекрасно понимали, чему они обязаны победой и что ситуация может перемениться. Поэтому условия мира были очень умеренными. Россия признала зоной японских интересов Корею и Южную Маньчжурию, уступила арендованный Ляодун, а из своих территорий отдала лишь Южный Сахалин.

А чтобы достичь внутреннего умиротворения, царь по совету масона премьер-министра Витте подписал Манифест от 17 октября, даровав стране широкие политические свободы, учредив выборную Думу.

Не тут-то было! Теперь смутьяны смогли действовать легально. Заполыхали вооружённые восстания в Москве, Прибалтике, Польше, Сибири, Закавказье, бунты на флоте. Кадровые части остались верными правительству, но революционеры заражали только что набранных запасных.

И царь призвал для подавления смуты самых надёжных своих воинов – казаков. На Дону мобилизовывались 13 полков 2-й очереди, 30 отдельных сотен, 3 полка 3-й очереди – старших возрастов, отцы семейств. Призывались и кубанцы, терцы, оренбуржцы, астраханцы, уральцы. Вооружённые мятежи удалось ликвидировать быстро, но волнения продолжались, и революционеры перешли к террору.

И казаки, распределённые по городам и весям, несли службу два с лишним года. Ох и нелёгкая это была служба! Попробуй-ка разгони многотысячную сходку – не огнём, не шашками, а одними нагайками, в то время как в казаков, возвышающихся на своих конях, летят камни, а глядишь и выстрелят из толпы.

Обстановку в Польше описывает В.Г. Орлов так: «Бомбы находили в лукошках с земляникой, в почтовых бандеролях, в карманах пальто, на митингах и даже на церковном алтаре! У террористов всюду были свои тайные мастерские по

производству бомб, они всё взрывали на своём пути: винные лавки, памятники, церкви, убивали полицейских, всех и вся».

Ведут важных свидетелей в полицейский участок под охраной уральских казаков – из окна вылетает бомба, 2 полицейских и 3 казака убиты, 8 тяжело ранены.

В Прибалтике сепаратисты стреляли по казачьим патрулям на лесных дорогах, на ночных улицах городов. В Закавказье казакам, посланным разнимать резню армян и азербайджанцев, даставалось от тех и других.

На Урале обширная организация боевиков под руководством Свердлова вела систематическую охоту на полицейских и казаков. «Не один казак пал жертвой людской злобы, не один вернулся домой калекой на всю жизнь», – писал П.Н. Краснов.

Казаки погибали при терактах, охраняя начальников. Погибали при «эксах», охраняя банки и денежные конвои. От рук террористов пало 768 только высокопоставленных должностных лиц. А простых казаков – тысячи...

По сути, шла война. И не только тяжёлая, но ещё и неблагоприятная. На казаков обрушивалась вся мировая и российская «общественность», клеймила «палачами», «опричниками», «нагаечниками».

Но и власть, которую охраняли казаки, не защищала их! Правда, Николай II, прислав на Дон очередную высокомиловостивую грамоту, где указывал, что казаки своей службой

«явили пример всем верным сынам Отечества», этим и ограничился.

А вот убийц казаков покрывали пресса, адвокатура, им рукоплескали, их героизировали молодёжь и интеллигенция. А казаков не поддерживал никто. Правительство не отмечало их подвигов, не оказывало покровительства, а как бы стыдливо сторонилось их, опасаясь раздражать ту же «общественность».

Именно поэтому мы до сих пор не знаем полной картины этой внутренней войны, не знаем и точного количества погибших – либеральные авторы по понятным причинам обходили этот вопрос стороной, а правительство замалчивало.

Впрочем, и в самом казачестве уже появились первые «трещинки». Через иногородних стали проникать революционные идеи. Казачья фракция Думы заражалась либерализмом кадетов. Но в общем-то выражала и настроения большинства казаков, требуя прекратить их использование для усмирений.

Ну кому интересно головы под пули и бомбы подставлять, да при этом ещё и вызывать на себя общую ненависть, слыть «псами» и «душителями»? Оппозиционными выступлениями выдвинулся герой Русско-японской войны Миронов. Был арестован, хотя и ненадолго, но исключён со строевой службы и назначен инспектором рыбнадзора на Нижнем Дону, что оскорбило и озлобило его.

И всё же привлечение широких масс казаков к подавле-

нию революции сделало своё дело. Наконец-то воцарился мир. Впрочем, ненадолго.

КАЗАКИ ШТУРМУЮТ НЕБО

Когда немцы начали войну против Сербии и в ответ на мобилизацию Франции (англичане же до вступления России в войну не собирались всерьёз воевать на суше) выдвинули к её границам свою армию, у России был великолепный шанс остаться в стороне от Первой мировой войны, послав в Сербию лишь добровольцев и оружие, втянув в войну с партизанами-горцами всех своих лютых врагов. А уже после двух-трёх лет войны, подобно США, наша страна могла бы уже и обрушить всю свою мощь на обессиленных немцев.

Вместо проведения этой нехитрой политической интриги русский царь потратил время на дипломатическое урегулирование конфликта, призывая к миру (Николай II даже отправил Вильгельму II телеграмму с предложением «передать австро-сербский вопрос на Гаагскую конференцию»; нетрудно представить, как смеялись на этом посланием в стране, уже много лет готовой к большой войне и отмобилизованной по полной программе).

Подталкивая Германию к войне с Россией, 1 августа 1914 года министр иностранных дел Англии обещал кайзеру, что в случае войны между Германией и Россией Англия останется нейтральной. И в этот же день война была объявлена.

Впрочем, у неё был шанс не ввязываться в бойню, ибо немцы ударили лучшими подразделениями по Люксембур-

гу, оставив на Восточном фронте менее боеспособные части.

Но уж очень странные люди правили в то время страной. Они погнали российскую армию в бой. Наверно, Петербургу казалось, что если пустить народу кровь, то революционный подъём сойдёт на нет. Глупый расчёт. Первая мировая война стала кладбищем многих империй, в том числе и Российской.

Казачество поднялось на войну быстро. В годы войны оно выставило на фронт 162 конных полка, 171 отдельную сотню и 24 пластунских батальона – 450 тысяч воинов. Уклонистов и дезертиров не было. Как пишет протоиерей отец Георгий (Поляков), «являясь исключительно православным воинством, случаев дезертирства казачество не знало».

Невозможно упомянуть и все подвиги казаков – их совершалось множество. В первой зафиксированной стычке 12 августа у литовского местечка Торжок пост из 5 казаков 3-го Донского им. Ермака Тимофеевича полка схватился с разездом из 27 немецких драгун.

Особенно отличился приказной Кузьма Крючков. Отстреливался, рубился, а когда враги насели и выбили шашку, желая взять в плен, выхватил у немца пику и стал отмахиваться, как оглоблей. Сразил 11 неприятелей, получив 16 ран. Уцелевшие неприятели удрали. Крючков первым в этой войне был награждён Георгиевским крестом.

В Галиции, в Гродекском сражении, крупные силы австрийцев прорвали фронт 8-й армии. Генерал Брусилов на-

правил к прорыву последний резерв, дивизию донского казака Каледина. Приказ гласил: «12-й кавалерийской дивизии – умереть. Но умирать не сразу, а до вечера».

Каледин еле держался. Понимая, что массы неприятеля его раздавят, решился на отчаянный шаг – собрал всё, что у него осталось, и, несмотря на жестокий огонь, бросил в лоб на наступающего врага конную лаву, лично возглавив атаку. Австрийцы не выдержали и в панике покатались назад.

В кампании 1914 года Россия сорвала немцам наступление на Париж, нанесла тяжёлые поражения австрийцам и туркам. Но в 1915 году против России перебросили львиную долю своих войск Германия и Австро-Венгрия, решив сломить и вывести русских из войны, а уж потом заняться Францией и Англией.

Эффективной помощи, какая была оказана французам накануне, наши армии от союзников не дождались. Мало того, военное министерство России разместило в Британии заказ на 5 млн снарядов, 1 млн винтовок, патроны и т.д. Англичане деньги взяли, а оружие и боеприпасы оставили себе.

А ведь из-за обещаний англичан русские пошли в широкомасштабное наступление на Западном фронте. Разразился кризис боеприпасов и вооружения. Нашим частям пришлось отступить.

Отходили с боями, отбивались жестокими контратаками. Так, в сражении под Таржимехи отчаянно дрался 3-й Хопёрский казачий полк. Начальник пулемётной команды сотник

Шкуро под обстрелом вылетел на двуколках со своими «максимами» впереди казаков, развернулся на фланге немецких цепей и стал поливать их очередями. Был ранен в живот – спас его лишь кинжал, отклонивший пулю.

В Прибалтике сдерживала врага рейдами по его тылам Уссурийская дивизия Крымова. В июне она прорвала фронт на реке Виндава, уничтожила вражеские обозы. Встретив выдвигающиеся колонны 6-й германской кавдивизии, налетела и разгромила её, прошлась по коммуникациям, взрывая мосты, станции, линии связи.

Против казаков стали стягивать крупные силы. Но 8-ю германскую кавдивизию тоже разбили, а 23-я кавбригада и пехотные части предпочли с уссурийцами не связываться, пассивно наблюдали, как они уходят к своим. И немецкий офицер записал о казаках: «Должен признаться, я ясно понял, сколь многому могла бы ещё поучиться наша кавалерия у этих сынов степей».

Наши части оставили Польшу, Литву, Западную Украину, Западную Белоруссию и юг Латвии, но сумели отойти, сохранив целостность фронта, и на новых рубежах остановили выдохшегося неприятеля.

Казаки воевали не только в составе своих частей. Казацкие офицеры и генералы командовали пехотой, артиллерией. Стяжал громкую славу Л.Г. Корнилов, с горстью храбрецов прикрывавший отступление 48-й дивизии, захваченный в плен и совершивший дерзкий побег, пройдя пешком

несколько государств. Стал командующим армией А.М. Каледин.

Что самое интересное, казаки одними из первых штурмовали небо на аэропланах. Самый яркий след в авиации оставили кубанцы. «Казачий сокол» – так называли Вячеслава Матвеевича Ткачева. Он начинал службу в артиллерии, был воспитателем кадетского корпуса, а потом увлекся авиацией. В 1913 году совершил знаменитый по тем временам перелёт Киев – Екатеринодар. А в войну возглавил 20-й авиаотряд и за смелую разведку первым из российских лётчиков был награждён орденом св. Георгия IV степени.

Ещё одним асом-кубанцем был Евграф Николаевич Крутень. Командовал авиаотрядом, начал совершать групповые, ночные операции, например налёт на вражеский аэродром в отместку за бомбежку госпиталей.

Ткачёв и Крутень стали «отцами» российской истребительной авиации, выступили инициаторами создания специальных истребительных отрядов весной 1916 года.

Ткачёв возглавил 1-й отряд, написал первый отечественный учебник по тактике воздушного боя. Затем был назначен инспектором авиации Юго-Западного фронта, а потом начальником полевого управления авиации при Ставке Верховного Главнокомандующего.

Крутень возглавил 2-й отряд. Тоже был видным теоретиком, разработал 20 способов воздушной атаки, стал автором 9 работ по авиационным вопросам. Первым пришёл к вы-

воду, что истребители должны действовать парами, а молодых пилотов учил манёвру, борьбе за высоту и «мертвый конус» (захождению в хвост неприятеля). В качестве истребителя он провоевал меньше года (погиб весной 1917го), но успел сбить 17 вражеских самолётов.

ПРЕДАТЕЛИ И ГЕРОИ

Победным для России должен был стать 1917 год. Её противники уже на ладан дышали, у них начался голод, в армию призывали 17- и 45-летних. Наша же страна отнюдь не «надорвалась», как это нередко утверждается. Учёт боевых потерь в то время велся весьма скрупулёзно, и, согласно, последней предреволюционной сводке «Докладной записке по особому делопроизводству» №4(292) от 13(26) февраля 1917 года, общее число убитых и умерших от ран по всем фронтам составило 598 764 офицера и нижних чина.

(Для сравнения – в германской армии на тот же период погибло 1 050 тыс., во французской – 850 тыс. Количество пленных, захваченных русскими, и русских пленных у неприятеля было примерно одинаково, как и выбывших по ранениям).

В годы войны Россия совершила гигантский промышленный рывок, валовой объём продукции в 1916 году составил 121,5% по сравнению с 1913 годом! По подсчётам академика Струмилина, производственный потенциал России с 1914 до начала 1917 года вырос на 40%.

Возникло 3 тысяч новых заводов и фабрик. По выпуску орудий в 1916 г. наша страна обогнала Англию и Францию (он увеличился в 10 раз, выпуск снарядов – в 20 раз, винтовок в 11 раз).

Никакой разрухой и не пахло! Наоборот, все современники отмечают, что сельская местность, несмотря на уход части мужчин, разбогатела. Армейские поставщики, снабженцы промышленных предприятий скупали по высоким ценам всё – кожу, сало, масло, зерно, скот, шерсть.

И хорунжий Елисеев, ездивший на побывку, описывал, что казачьи станицы стали жить намного богаче, в хатах появилось много дорогих вещей – часы, швейные машинки, зеркала, казачки покупали нарядные «городские» платья.

Но уже шла раскачка тыла. Причём по двум направлениям.

С одной стороны, её вели прозападные либералы, решившие, что победа должна стать «победой не царя, а демократии». И их всюю поддерживали западные союзники.

Но вели раскачку и те, кто хотел полной гибели Российского государства – через большевиков и сепаратистов. Хотя любопытно, что за обоими течениями стояли одни и те же масонские банкирские круги – Ротшильды, Варбурги, Кун, Лоеб, Шифф.

Облегчало эту деятельность обычное расслоение – патриоты стремились на фронт, а в тылу оседали шкурники. Облегчало развал России и то, что кадровая армия была повыбита, а запасников, призванных «от сохи», уже в тыловых казармах обрабатывали агитаторы.

К тому же Россия была единственной воюющей страной, сохранившей вполне мирный тыл и ничем не ограничившей

«демократические свободы». Дума имела возможность выплёскивать грязь с трибун, газеты – печатать всё, что оплатят заказчики, рабочие – бастовать сколько вздумается.

Опасаясь раздражать Запад, царь воздерживался от жёстких мер, шёл на уступки «общественности». Заговорщики были известны, но против них ничего не предпринималось.

Можно ли было победить в таких условиях? Нет! И когда Россия сосредоточилась для последнего решающего наступления, ей в спину вонзили нож: царя заставили отречься, масоны совершили Февральскую революцию, а сионисты – Октябрьский переворот.

Казачьи части оказались в сложном положении. Запутавшиеся в лозунгах и ораторских словоблудиях, сбитые с толку, как и весь народ, казачьи части были в числе немногих, сохранивших боеспособность и дисциплину. Но тоже стали создавать полковые, дивизионные комитеты, чтобы не прослыть «контрреволюционными» и уберечь своих офицеров от чисток Временного правительства и солдатских самосудов.

Однако в комитетах, как это бывает, нередко стали выдвигаться далеко не лучшие, а честолюбивые и горлопанистые. Кроме того, казачьи части, как самые надёжные, стали растаскивать для «затыкания дыр» на фронте, для отлова дезертиров, для охраны тыловых районов от распоясавшейся солдатни. И вот такая служба казакам очень не нравилась.

Нет, России они не изменяли. Они просто не понимали, что же творится с самой Россией. Ведь правительство, вро-

де бы, выступало под патриотическими лозунгами. И в его поддержку в апреле в Петрограде собрался I съезд казаков разных войск, создавший «Союз казачьих войск», его председателем был избран Александр Ильич Дутов. Но уже через несколько дней большевики и прочие радикальные группировки внесли в казачью среду раскол – провели альтернативный съезд и создали Центральный Совет казаков, председателем стал кубанец Костенецкий.

В августе 1917 года в Москве было созвано Государственное совещание. Перед ним прошёл Общеказачий съезд, от лица которого на Государственном совещании выступил Каледин. Заявил, что казачество стоит на общенациональной и государственной позиции. Что Россия должна быть единой. Требовал прекратить политические дразги, пресечь сепаратистские тенденции.

Однако дни Временного правительства были уже сочтены. Дорвавшаяся до власти кучка заговорщиков, за полгода развалившая Россию, вызывала всеобщую ненависть. А возглавили взбаламученные массы другие заговорщики, куда более решительные и дееспособные, – большевики.

Когда в октябре они небольшими, но организованными силами стали захватывать Петроград, защищать Временное правительство оказалось некому. Для обороны Зимнего дворца собрались несколько рот юнкеров, рота женского батальона, без толку суетились правительственные чиновники.

Пришли и две сотни уральских казаков. С благоговени-

ем осмотрели личные покои царя и царевича, поглядели на окружающий бардак. Сказали: «Мы думали, что тут серьёзно, а оказалось – дети, бабы да жидаы». И ушли прочь.

Впрочем, казачьи войска красных узурпаторов не признали. И стали самыми значительными центрами сопротивления. На Дон, Кубань, в Оренбуржье потекли патриоты-офицеры, началось формирование белой гвардии.

Терпеть такое положение большевики не намеревались. И на казачьи окраины были направлены войска.

Увы, в войсковых кругах (местных парламентах) верховодила интеллигенция – всё те же бывшие думцы, «общественники», кадеты, эсеры. И в казачьих войсках повторялось в меньших масштабах то же самое, что погубило Россию.

Круги утопали в межпартийной грызне, а власть атаманов всячески урезали во избежание «диктатуры». На Дону казачья «демократия» искала компромиссы с крестьянской, создала «паритетное правительство» – 7 человек от казаков и 7 от иногородних. И пошёл полный разброд. На Кубани обострилась рознь между черноморцами и линейцами. Узнав, что украинская Центральная Рада возрождает казачество, Кубанская Рада вознамерилась послать ей военную подмогу. Линейцы воспротивились, войско раскололось.

Войсковые правительства надеялись на могучую силу фронтовых полков. И действительно, они возвращались организованно, с оружием, артиллерией. Прорывались с боями через заслоны большевиков и самостийников, пытающихся

их разоружить.

Но едва ступали на родную землю, весь порядок кончился. Фронтовые части тоже оказались заражены большевизмом и анархией. И уж тем более не желали вступать в братоубийство со своими, расходились по станицам.

Противостояли красным партизанские отряды в несколько сотен, а то и десятков человек. На Дону – полковника Чернецова, войскового старшины Семилетова, сотника Грекова, на Кубани – капитана Покровского. Даже при ничтожной численности одерживали победы.

Но силы были слишком неравны. На оставшиеся без защитников-мужчин станицы большевики натравили чеченцев и ингушей, вооружив их до зубов. Из Закавказья двинулись принявшие сторону большевиков части Кавказской армии. В портах высаживались «красные моряки». Большевиков активно поддержало неказацкое население. И они победили. Настало время расправы над побеждёнными.

КАК ВЫРЕЗАЛИ СТАНИЦЫ

Казакам, сохранившим нейтралитет, и даже многим из тех, кто поддержал красных, очень скоро пришлось пожалеть об этом. Казачьи войска были объявлены упразднёнными. Развернулся террор и бесчинства комиссаров и красногвардейцев. Расстреливали офицеров, семьи белых, часто просто богатых казаков, чтобы прибрать к рукам их имущество. Убивали священников.

Например, на Кубани священослужителей истребили в 22 станицах, отцу Ионнну Пригоровскому в пасхальную ночь прямо в церкви выкололи глаза, отрезали уши и нос, размозжили голову. Обращали алтари в отхожие места, упражнялись на стенах и иконах в хамском остроумии. У казаков отнимали землю, катились «реквизиции».

Хуже всех пришлось донцам. В течение 1918 года советские войска несколько раз предпринимали на Дон карательные экспедиции. Казаки их отражали, но большевики имели возможность бросать на Дон всё новые дивизии.

В январе 1919 года в Москве под председательством Свердлова состоялось совещание начальников политотделов фронтов, на котором были согласованы детали холокоста донского казачества.

Троцкий тогда говорил о казаках так: «Это своего рода зоологическая среда, и не более того. Стомиллионный рус-

ский пролетариат даже с точки зрения нравственности не имеет здесь права на какое-то великодушие. Очистительное пламя должно пройти по всему Дону, и на всех них навести страх и почти религиозный ужас. Казачество должно быть сожжено в пламени социальной революции».

Кстати, слово «холокост» как раз и означает на древнегреческом языке полное сожжение народа. Первый холокост начался не в Германии в 1934 году, а в России в 1919-м.

Член Донревкома Рейнгольд пояснял красным карателям суть партийных директив так: «Кзакаов надо истребить, просто уничтожить физически».

Запрещалось само слово «казак», ношение формы, лампасов. Станицы переименовывались в волости, хутора – в села (Цимлянская была переименована в Свердловск, Константиновская – в город Розы Люксембург). Во главе станиц ставили комиссаров из немцев, евреев, латышей. Казаков облагали денежной контрибуцией. За неуплату – расстрел. В трёхдневный срок объявлялась сдача оружия, в том числе пашек, кинжалов. За несдачу – расстрел. Рыскали карательные отряды, отбирая подчистую продовольствие и скот, по сути обрекая людей на голодную смерть. Тут же покатились и расправы.

По хуторам разъезжали трибуналы, производя «выездные заседания» с расстрелами. Кое-где начали освобождать землю для крестьян-переселенцев. Казаков выгоняли в зимнюю степь. На смерть.

Свидетели писали: «Нет хутора и станицы, которые не считали бы свои жертвы красного террора десятками и сотнями. Дон онемел от ужаса.», «В день у нас расстреливали по 60-80 человек. Руководящим принципом было: «Чем больше вырежем, тем скорее утвердится советская власть на Дону».

Председатель Донбюро Сырцов доносил: «Расстрелянных в Вёшенском районе около 600 человек». В Константиновской «было расстреляно свыше 800 человек. Большинство расстрелянных старики. Не щадились и женщины».

В Морозовской комиссар Богуславский творил расправу лично. В его дворе впоследствии нашли 50 зарытых трупов не только застреленных, но и зарезанных казаков, казачек, детей, а за станицей ещё 150 трупов.

В Хопёрском округе «смертные приговоры сыпались пачками, причём часто расстреливались люди совершенно невинные: старики, старухи, дети, девушки.

Расстрелы производились часто днём на глазах у всей станицы по 30-40 человек сразу, причём осуждённых с издевательствами, с гиканьем и криками вели к месту расстрела.

На месте расстрела осуждённых раздевали догола, и всё это на глазах у жителей. Над женщинами, прикрывавшими руками свою наготу, издевались и запрещали это делать». В бесчинствах принимали участие и видные большевики.

Якир содержал собственный карательный отряд из 530 китайцев, уничтоживший более 8 тысяч человек.

Розалия Землячка (Залкинд) любила лично присутствовать при казнях.

Член РВС Сокольников (Гирш Бриллиант) требовал направлять казаков на каторжные работы и предписывал «немедленно приступить к постройке и оборудованию концентрационных лагерей».

А Сырцов телеграфировал в Вёшенскую: «Приготовьте этапные пункты для отправки на принудительные работы в Воронежскую губернию, Павловск и другие места всего мужского населения в возрасте от 18 до 55 лет включительно... За каждого сбежавшего расстреливать пятерых».

Шло демонстративное надругательство над самими устоями казачьей жизни. Казаки были верующими – большевики устроили в Вёшенском соборе публичное венчание 80-летнего священника с кобылой.

Казаки почитали стариков – в той же Вёшенской старику, уличившему комиссара во лжи, вырезали язык, прибили к подбородку и водили по станице, пока он не умер.

Казачки отличались высокой нравственностью – теперь их хватали «на забаву». Свидетель сообщал: «Много было насилия над женщинами. Были насилия над маленькими девочками, причём говорили, что нужно влить им крови коммунистов». Унижали казачек и перед расстрелом, заставляя обнажаться, хотя, казалось бы, кому нужны их заношенные рубахи?

Якир приказывал: «50-процентное уничтожение мужско-

го населения. Никаких переговоров».

Впрочем, и главный красный людоед Ленин не собирался давать казакам реальных послаблений. Вот его телеграмма Сокольникову от 24.04.1919: «Если Вы абсолютно уверены, что нет сил для свирепой и беспощадной расправы, то телеграфируйте немедленно».

Приехав в Екатеринодар, Троцкий реализовал ещё один из своих чудовищных замыслов: каким бы невероятным это ни казалось, он начал эксперимент по «социализации» женщин. Составлялись списки семей офицеров, чиновников, купцов, богатых казаков, в которых девушки подлежали «социализации» (обобществлению).

Красноармейцам, чекистам в качестве поощрения выдавались удостоверения, скольких девушек предъявитель может «социализировать», то есть совокупиться с ними. Проводились даже облавы с отловом молодых девиц для этой цели.

Все монастыри по приказу Троцкого были превращены в «коммуны». Монахов не только истязали и убивали. Иногда, чтобы сделать себе праздник души, красные палачи взрывали церкви вместе со священнослужителями, как это было в монастыре Екатерино-Лебяженская пустынь.

В зачищенные от казаков станицы заселяли «революционных горцев».

А там, где зачистка не производилась, её осуществляли по ходу дела. Например, из Владикавказа, предназначенного

для заселения ингушами, казаков выгнали из родных хат и под конвоем повели на север, мол, на переселение.

Но по пути красные каратели «упростили» себе проблему и набросились на беззащитные колонны, принялись их рубить и резать. Дорога на Беслан была завалена рассеченными на части трупами 35 тысяч казаков, казачек, детей и стариков.

Но и распропагандированного улучшения хозяйства горцев не произошло, потому что в «очищенные» станицы они не переселялись, предпочитали оставаться там, где привыкли жить. Наезжали выломать что-нибудь из брошенных домов, или пограбить казачьи селения, которые не были выселены. Казаки жаловались: «Разрушаются здания, инвентарь, рамы, стекла и проч. увозятся в аулы, портятся фруктовые деревья. Сельскохозяйственный инвентарь разбросан, изломан, ржавеет и гниет. Русское население обезоружено и к физическому отпору и самосохранению бессильно. Аулы, наоборот, переполнены оружием, каждый житель, даже подростки 12-13 лет вооружены с ног до головы, имея револьверы и винтовки. Таким образом, получается, что в Советской России две части населения поставлены в разные условия в ущерб одна другой, что явно несправедливо».

Любопытно, что в наши дни, даже признав факт целенаправленного истребления казаков, «демократическая» пресса и телевидение очень уж тщательно избегают слов «геноцид» или «холокост», подменяя их советским термином

«рассказывание».

А ведь сами-то, наверное, обиделись бы, если бы кто-нибудь назвал истребление иудеев или цыган «разъев-реиванием» или «разцыганиванием»?

КОНИ ПРОТИВ ТАНКОВ

Первым с воззванием к народу 22 июня 1941 года выступил не Сталин, не Молотов. Ещё раньше это сделал местоблюститель патриаршего престола митрополит Сергей.

В послании к верующим он говорил: «Наши предки не падали духом и при худшем положении, потому что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном долге перед Родиной и верой, и выходили победителями. Православная наша церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла, и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг. Господь нам дарует победу».

По всей стране служились молебны. И сам митрополит Сергей в Москве при огромном стечении народа молился «о даровании победы русскому воинству».

Стержнем той армии, которая остановила врага, стали чудом выжившие после кровавого коммунистического террора казаки. В первые же часы боёв, в страшном Белостокском сражении, встали насмерть 94-й Белоглинский, 152-й Ростовский, 48-й Белореченский казачьи полки.

На начальном этапе войны кавалерийским соединениям пришлось особенно трудно. Как уже отмечалось, миллионы красноармейцев попали в плен или сами сдавались, фронт

рухнул.

И для спасения положения на участки германских прорывов бросалась конница. Нет, не из-за недоумия и бездушия командования. Когда инициатива была в руках противника, обстановка менялась стремительно, подготовленных резервов не имелось, а транспорт был парализован, кавалерийские части оказывались самыми мобильными. Кони против танков – это была жесточайшая необходимость. Необходимость хотя бы задержать врага – в прямом смысле любой ценой.

Казачи оказались самыми надёжными воинами. В июле в район Ярцево были переброшены с Северного Кавказа 50-я и 53-я кавдивизии (из кубанских и терских казаков), составившие 3-й кавалерийский корпус Льва Михайловича Доватора; 3 тысячи конников совершили дерзкий рейд за линию фронта, за 10 дней прошли 300 км, погромили тылы 9-й германской армии и успешно вырвались к своим.

А на южные подступы к Москве был переброшен 2-й кавкорпус Павла Алексеевича Белова (из донских, кубанских и ставропольских казаков), уже зарекомендовавший себя в боях на Украине. Нанёс контрудар по правому флангу 4-й германской армии, задержав её продвижение.

В ноябре гитлеровцы начали решающее наступление на Москву, беря её в клещи ударами с запада и юга. И оба кавкорпуса очутились на решающих участках. Танковая группа Гота прорывалась вдоль Волоколамского шоссе, где держали оборону доваторовцы и дивизия Панфилова.

В тех же боях совершил подвиг 4-й эскадрон 37-го Армавирского полка доваторовцев, ставший прототипом легенды о 28 памфиловцах. Бронированную лавину врага у деревни Федюково встретили 37 казаков с несколькими противотанковыми пушками. Подробностей боя не знает никто, polegли все, ибо даже тяжелораненые сражались до конца. Но факт остаётся фактом, когда подошло подкрепление, перед ним открылась потрясающая картина – 25 горящих немецких танков и сотни трупов гитлеровцев.

Известно и другое: эти доваторовцы шли на смерть сознательно – понимая, что бой будет для них последним, они по старинному казачьему обычаю расседлали коней и отпустили их на волю. Увы, в то время про этот подвиг репортёры писать не могли, поскольку казачество считалось ещё «неблагонадёжным элементом».

А на южном фланге Гудериан, не в силах взять Тулу, повернул танки на Каширу. На перехват ему командование бросило 2-й кавкорпус Белова. Верно оценив ситуацию и придя к выводу, что пассивную оборону враг сомнёт, Белов с марша атаковал фланговыми контрударами – и сорвал германские планы.

И характерно, что как раз казаки Белова начали контрнаступление под Москвой первыми, на 10 дней раньше, чем на других участках. И отбили у врага самые первые километры, вернуть которые немцы уже не смогли. Первые километры на пути к Берлину.

В ходе преследования врага корпус Доватора был направлен под Звенигород, пошёл в новый рейд по тылам фашистов, громя их отходящие войска. Но в бою у деревни Палашкино любимец казаков бесстрашный генерал Л.М. Доватор погиб, возглавив атаку. Посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза. А корпус Белова двинулся в глубокий рейд на Вязьму. Несколько месяцев воевал во вражеских тылах, контролируя обширную территорию.

Поскольку казаки проявили столь высокие боевые качества, формировались новые части. В Советской Армии количество кавкорпусов (по составу в основном казачьих) в 1942 году было доведено до 17.

Некоторые соединения комплектовались добровольцами – 10, 12, 13-е Кубанские, 11, 15, 16-е Донские казачьи дивизии. Формировались, как в старину. Приехал в родную Урюпинскую генерал С. И. Горшков – и пошло по станицам и хуторам: «Начдив приехал, Аксиньи Ивановны сын, Сережка. Казаков скликает». И стали съезжаться бородачи, молодёжь, колхозы давали лошадей.

Пятидесятидвухлетний С.К. Недорубов из Березовской сам сформировал сотню, в ее составе был и 17-летний сын; Шестидесятидвухлетний П.С. Куркин из Нижне-Чирской привёл 40 казаков. Так же формировал свои подразделения и генерал Н.Я. Кириченко.

Из этих добровольцев составилась 17-й казачий корпус, который позже станет 4-м Кубанским гвардейским, а донские

дивизии дали начало 5-му Донскому гвардейскому казачьему корпусу.

Но сперва у казаков было тяжёлое отступление. Сдерживая врага, дрались страшно. Под Кущёвской кубанцы и донцы атаковали вражеские танки на конях, с бутылками горячей смеси в руках. В донесении писалось: «Рвение казаков в бой неумолимо высоко... оставление территории без боя отражается крайне болезненно на состоянии казаков, которые желают до последней капли крови отстаивать свою донскую и кубанскую землю».

Под Будённовском казачью дивизию Горшкова окружили танки. Горшков перед атакой надел полную генеральскую форму со всеми орденами – если погибать, так гордо, по-казачьи – и повёл за собой казаков на прорыв.

Во время сражений в предгорьях Кавказа военфельдшер Маруся, которую казаки звали Малышкой, вывозила тяжело раненых. Уложила, сколько могла, в кузов, в кабину полуторки, сама 100 км ехала на крыле. На разбитых ухабах машину трясло и кидало. И чтобы не завывать от нестерпимой боли, да ещё и при казачке, донцы заиграли песню «Скакал казак через долину.».

КАЗАКИ ЕДУТ ПО БЕРЛИНУ

А потом наконец-то в войне наступил перелом. Враг дрогнул и отступил на запад, огрызаясь и строя сильные узлы обороны.

Кавалерийские корпуса сыграли важную роль в оборонительных сражениях, но при штурме укреплений были очень уязвимы. И количество кавкорпусов в 1943 году сократилось до 8.

Но они укрупнялись, усиливались зенитками, артиллерией. И использовать их стали стали в составе конно-механизированных групп, придавая танковые полки, бригады, а позже и корпуса.

В январе 1943 года 4-й Кубанский и 5-й Донской казачьи корпуса, усиленные танками и объединённые в конно-механизированную группу под командованием Кириченко, прорвали фронт на Куме, освобождали Минводы, Ставрополье, Кубань, Дон.

Казаки, как и в прежние времена, проявили себя профессионалами высочайшего класса. Так, ветеран трёх войн Недорубов только в одном бою на Кагальнике лично уничтожил более 70 гитлеровцев и стал Героем Советского Союза.

Но они были очень нелегкими, эти победы в морозных снежных степях. Когда фронт остановился на реке. Миус, в полках, где служило до тысячи бойцов, осталось всего по 40

сабель.

И Константин Симонов записал о Горшкове: «Генерал сидит, молчит, подперев голову руками, потом говорит неожиданным голосом, в котором чувствуется слеза: «А теперь вот боюсь и появиться в станицах. Спросят: «Ну куда ты их дел, а?»»

Казачки, старики, ребяшня, оставшиеся в тылу, пахали землю, чтоб накормить страну и армию. Становились за станки заводов. Создавалось оружие, новая грозная техника. И испытывалась.

На уральском аэродроме Кольцово 15 мая 1942 года состоялся первый в мире полёт самолёта БИ-1 с реактивным двигателем. Поднял его в небо кубанский казак станицы Бриньковской Григорий Яковлевич Бахчиванджи.

Он успел повоевать, сбил десяток вражеских машин, был представлен к званию Героя, но не получил из-за неправильно оформленных документов. При очередном полёте БИ-1 27 марта 1943 года Бахчиванджи погиб и Героем Советского Союза стал посмертно. Его именем названы кратер на Луне, посёлок и станция, где располагалась его часть. Ю.А. Гагарин сказал: «Без полётов Бахчиванджи не было бы 12 апреля 1961 года».

А на фронтах казаки вместе с другими советскими частями продолжали громить врага. Все 8 кавалерийских корпусов заслужили звания гвардейских!

В знаменитом Корсунь-Шевченковском сражении в усло-

виях распутицы, полного бездорожья, в снегах, когда окружённая немецкая группировка пошла на прорыв, маршал Конев устроил врагу ловушку, сосредоточив в лесах у Шендеровки танковые части и донские казачьи дивизии. Германские колонны, двинувшиеся ночью сквозь пургу к своим, были атакованы с нескольких сторон, раздавлены и вырублены.

Ворвались казаки и в самое логово врага. В составе 1-го Белорусского фронта наступали на Берлин 7-й гвардейский кавкорпус М.П. Константинова и 3-й гвардейский кавкорпус Н.С. Осликовского. Вели тяжёлые бои на Одере, потом были введены в прорыв вместе со 2-й гвардейской танковой армией, обходя Берлин с северо-запада. Брели Бранденбург, Фризак, Райнберг и совершили бросок к Эльбе, где встретились с американцами.

А в составе 1-го Украинского фронта воевали беловцы и доваторовцы; 1-й гвардейский кавкорпус В.К. Баранова, прорвав оборону врага на Нейсе, устремился в глубину расположения немцев, вышел к Эльбе и вёл бои, не допустив отхода на запад дрезденской группировки противника.

А 2-й гвардейский кавкорпус В.В. Крюкова ворвался на окраины Берлина с юго-востока, потом, совершив бросок к Фюрстенвальде, преградил вместе со стрелковыми частями путь 9-й германской армии, пытавшейся деблокировать Берлин, отразил 6 ожесточённых атак эсэсовцев.

И по Берлину, как поётся в песне, ехали наши казаки. Поили коней из Шпрее, Хафеля, Эльбы. За годы войны 279 ка-

заков стали Героями Советского Союза, более 100 тысяч были награждены орденами. Но эти данные, разумеется, далеко не полны. Разве можно учесть всех казаков, рассеянных по Советскому Союзу и воевавших в разных родах войск? Ну а кубанцам Плиева предстояла ещё одна война. Они были переброшены далеко на восток и вместе с монгольскими конниками громили Японию. В общем, с лихвой рассчитались с самураями за 1904-1905 годы.

КАК ВЛАСТЬ ОТПЛАТИЛА КАЗАЧЕСТВУ

Для России война во многом стала искуплением и очищением от той мрази, на которую соблазнились люди в ходе революции. И церковь была с народом. На средства верующих были построены танковая колонна имени св. Дмитрия Донского, авиационная эскадрилья имени св. Александра Невского.

И дело было не только в нескольких танках или самолётах. По мысли блаженного митрополита Сергия (Страгородского), церковь таким образом посылала воинам своё зримое благословение, как св. Сергий Радонежский послал Дмитрию Донскому иноков – ратников Пересвета и Ослябю. Главной же поддержкой была благодать Божья, приведшая Россию к победе.

И сама церковь оживала в ходе всенародного подвига. В годы войны было открыто более 14 тысяч храмов, 85 монастырей, 8 духовных семинарий, 2 академии. За огромную патриотическую работу ряд священнослужителей получил высокие правительственные награды (в том числе архиепископ Краснодарский и Кубанский Алексей).

После войны в Советском Союзе казачество котировалось очень высоко. И пропагандировалось: ставились филь-

мы, выходили книги по казачьей тематике, создавались казачьи ансамбли.

Но в жизни казачества в 1950-х годах наступил резкий перелом. Власть решила-таки отплатить казакам за их подвиг. Но странным путём – направив все силы на его уничтожение.

Этот перелом совпал с общей ломкой российской державности! За вбитым в массовое сознание прославлением «хрущёвской оттепели» очень многое оказалось спрятано. Ведь кого первыми реабилитировал Хрущёв? Все тех же убийц русского народа и казачества – якиров, тухачевских, петровских.

Хрущёв вернулся к курсу Троцкого на «мировую революцию», и огромные средства потекли за границу «дружественным» режимам.

Одновременно с этим произошло и первое разрушение вооружённых сил: массовые сокращения, расформирование множества соединений, училищ, уничтожение огромного количества первоклассных самолетов, кораблей, разгром стратегической разведки, спецназа. И – случайное ли совпадение? – возобновление гонений на церковь.

Если за несколько военных и послевоенных лет в СССР открылось свыше 14 тысяч только новых приходов, то при Хрущёве их осталось всего 7523! И снова развернулись преследования верующих, священников.

В 1957 году при реабилитации депортированных народов была восстановлена Чечено-Ингушская Республика. В её со-

став включили казачьи станицы. И мало того, от Ставропольского края отчленили 4 района терского левобережья, которые раньше в Чечню никогда не входили. И в качестве «компенсации» их тоже присоединили к воссозданной автономной республике.

А восточная оконечность терских земель – Кизлярский район оказался отрезанным от Ставропольского края, и его отдали Дагестану. При этом возвращаемым из ссылки чеченцам власти всячески препятствовали селиться в горах, направляли на казачьи земли.

Уже к 1959 году в Наурском районе чеченцы составили 7,3%, в Шелковском 5,7%. В дальнейшем эти цифры росли. А в Дагестане и других районах Кавказа развернулась кампания по переселению горцев на равнину – тоже в районы проживания казаков.

В Казахстане началась похожая кампания – по переводу казахов на оседлое поселение. И «осаживать» их стали, опять же, в казачьих районах. В рамках выдвижения «национальных кадров» представители «титульных» народов получали ключевые посты в администрации, партийных органах, системе образования, здравоохранения. А коренное казачье население превращалось во «второсортное».

Катастрофой стали и сельскохозяйственные реформы. Был взят курс на ликвидацию «неперспективных деревень». А какие считать «неперспективными», оценивали невесть откуда взявшиеся «специалисты».

Сокращалась и прекращалась государственная поддержка станиц и хуторов. Вместо этого средства и техника направлялись на освоение целины, в Казахстан. Туда же по комсомольским и иным разнарядкам слали молодёжь, лучшие кадры механизаторов, трактористов, шофёров, зоотехников.

Очень много людей было отправлено с Дона, с Кубани, что по сути напоминало массовую депортацию, но как бы «почётную», с музыкой и бравурными лозунгами. Грянула и «вторая коллективизация».

Даже при палаче Сталине колхозникам были оставлены подсобные хозяйства, кое-какая домашняя скотина. А при Хрущеве в 1959 году пленум ЦК запретил иметь приусадебные участки, а личный скот предписывалось «скупить». Были ликвидированы машинно-тракторные станции – от колхозов требовалось выкупить сельхозтехнику у государства.

Итог: скупленный скот передох без кормов, расплётённая техника выходила из строя, попав к неспециалистам, в неподходящие условия хранения, а колхозы разорялись, вынужденные за всё платить. Страна опять очутилась на грани голода.

Начавшаяся при Хрущёве и продолженная Брежневым «вторая индустриализация» с задачей «построения материально-технической базы коммунизма» велась, мягко говоря, своеобразно. Российские регионы оставались без внимания, а огромные средства вбухивались в развитие Прибалтики, Закавказья, Казахстана, Средней Азии. Тут уж во-

лей-неволей закрадываются подозрения, что уже тогда «силами неведомыми» закладывались основы плана, коему суждено было реализоваться в 1991 году.

Кстати, в это время опять запретили носить казачью форму, а слово «казак» снова изъяли из обихода.

На этот раз двумя «мягкими» методами:

–

соответствующей регулировкой органов печати, системы образования в казачьих областях;

–

перестановками административных, педагогических, культурных кадров (их куда-нибудь на целину, а на их место – «интернационалистов»).

А в совокупности с миграциями и перемешиванием населения результат получился «подходящий». Геноцида, вроде и не было, а «расказачивание» осуществилось.

НЕЛЁГКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ КАЗАЧЕСТВА

Возрождения казачества не ожидал никто. И вдруг оно свершилось. Начало процесса можно датировать 1986-1987 годами, когда к теме казачества вновь стала обращаться творческая интеллигенция.

Появляются романы В. Семенихина «Новочеркасск», А. Знаменского «Красные дни», Е. Лосева «Миронов», Ж. Бичевская запела казачьи песни (и даже Розенбаум!).

Перемены стали происходить и в сознании людей. В казачьих областях вдруг возрос интерес к своему прошлому. Люди начали разыскивать информацию о предках. Журналисты местных газет – писать первые, ещё робкие заметки по истории казачества. Но процесс шёл не только в казачьих регионах. Общаясь с людьми, казаки начинали выделять «своих». Обменивались теми же роман-газетами, зачитанными до дыр. Люди «вспоминали», что они – казаки!

Правительство к данным явлениям не имело никакого отношения. Наоборот, оно продолжало политику ассимиляции. В 1989 году вышло постановление о переселении в русское Нечерноземье жителей «трудоизбыточных регионов» – Средней Азии, Кавказа.

Прошла и вторая волна реабилитаций «репрессирован-

ных народов». И «трудоизбыточных» реабилитированных месхетинцев, чеченцев и т.п. принялись переселять не в вымершие тверские деревушки, а снова в казачьи области! На Дон, на Кубань.

Возрождение не инициировалось и не поддерживалось никакими государственными силами! Но оно шло. Не сверху, а снизу, и не из одного или нескольких центров, а всюду.

В 1989 году стали возникать казачьи общины, землячества, в том числе и в «не казачьих» регионах – ведь в XX веке казаков размело по всей стране.

Появились организации московские, Санкт-Петербургские, Мурманские, Тверские, Псковские и т.п. И наконец, 28-30 июня 1990 года в Москве в клубе завода «Серп и молот» состоялся Учредительный большой круг, на который съехалось 263 делегата от разных организаций, представляющих более 80 тысяч казаков, 450 гостей.

И это событие можно считать точкой отсчёта возрождённого казачества. Прошёл круг с огромным энтузиазмом, был создан Союз казаков России, атаманом которого стал донской казак А. Г. Мартынов.

Начали воссоздаваться казачьи войска. Среди них появились и такие, которые до революции были упразднены – украинское, запорожское, волжское. Возникли и новые войска – калмыцкое, ставропольское, крымское, белорусское. Было создано также центральное войско, объединившее ряд казачьих структур в Центральной России.

Однако изначальное единство, увы, оказалось непрочным. Традиционный патриотизм казаков отнюдь не устраивал силы, ведущие раскачку страны.

В ряды казачества постарались влезть «Демократическая Россия», НТС и прочие радикальные организации. И 20-21 июля 1991 года прошёл ещё один Учредительный круг, 65 делегатов от 25 организаций провозгласили создание другой организации – Союза казачьих войск России, а Союз казаков объявили «коммунистическим». И раскололи казачество на «красных» и «белых». Пошло деление и на других уровнях, по разным признакам: по политическим, по месту жительства – на «станичных» и «асфальтовых», по фигурам атаманов, конкурирующих между собой...

Казачество бурлило вольной силушкой. Там-то выпороли мелкого воришку, там-то приговорили выпороть клеветника-журналиста.

Казаки наводили порядок на базарах, боролись со спекуляцией и порнухой. Устанавливали свои таможи, чтобы при перестроечных пустых прилавках продукты и товары не уплывали неведомо куда. Восстанавливали памятники казачьим героям, храмы Божьи. Несли в Дивеево мощи св. Серафима Саровского.

Патрулировали улицы, пресекая разгулявшуюся преступность. Возникали первые казачьи заставы в Вооруженных Силах, и туда торжественно отправляли призывников, веря, что это только начало.

А на Тереке казакам уже приходилось защищаться. Уже был убит атаман Сунженского отдела А.И. Подколзин, лилась кровь и горели дома в погромленной ингушами Троицкой. Да и в Казахстане националисты сорвали празднование 400-летия уральского войска. Но трудности казались преодолимыми. Возродились же, значит, со всем справимся.

Казаки спасли Приднестровье, ринувшись по зову сердца на выручку русским людям. Участник тех событий пишет: «Первыми в России на помощь республике приехали казаки, целые ватаги, быстро окрепло и своё черноморское войско. Воевали крепко, часто бесшабашно. Отсюда потери. Казак – всегда патриот, но не всегда организован».

Не молдаване атаковали – кадровые румынские части и спецназ. Но дали им по зубам, остановили и отбросили. Прибывшие из разных концов страны казачьи отряды соединялись с местными добровольцами. Приднестровье ведь тоже казачий край, здесь в разные времена селились некрасовцы, черноморское войско – ушедшее на Кубань, части бугского, екатеринославского, дунайского войск.

Вот и вспомнили приднестровцы, что и они казаки. Впрочем, кто там и кого спрашивал о происхождении? Взял оружие, пошёл в бой, значит, казак. И по памяти прежнего черноморского войска было создано новое, которое также называли черноморским. Полторы тысячи казаков разных войск были награждены крестом «За оборону Приднестровья», более 70 – посмертно.

Храбро воевали казаки и в Абхазии. Из воспоминаний сотника Сергея Малькова: «На поминки собираются казаки разных сотен – вот сидят неунывающие кубанцы, там расположились молодцеватые казаки-уральцы, вот волжане и сибиряки. Смерть витает над всеми ними, и не всем суждено вернуться домой. Чеченцы уважают казаков, ибо казаки остаются на позициях даже тогда, когда отходят чеченцы».

Казаки изгнали бесчинствующих грузин, помогли отстоять республику. Из местных казаков и тех, кто решил остаться здесь, был образован Сухумский особый отдел кубанского войска. Казаки-добровольцы сражались в Боснии, участвовали в обороне Северной Осетии от ингушей, а Южной – от грузин.

И, как всегда, власть нанесла казакам удар в спину. При Ельцине было издано 76 законов, постановлений правительства и указов президента, поддерживающих казачество. Но всё это было лишь на бумаге. В реальности же власть равнодушно смотрела даже на то, как казаков вырезали на Кавказе.

На то, что творилось в Чечне, где русских насиловали, грабили, держали в рабстве, истязали и убивали, власть, конечно, реагировала, но уж больно своевременно и своеобразно.

Когда у казаков вскипало негодование, круги и советы атаманов принимали заявления – если, мол, государство не способно нас защитить, будем защищаться сами, когда на

Дону и Кубани начинался набор добровольцев, президент тут же вводил «чрезвычайные положения». На дорогах появлялись войска и милиция, получавшие приказ не допускать конфликтов, тем самым прикрывая чеченских карателей от казачьего гнева.

Потом «положения» отменялись, и средства массовой информации дружно заверяли народ, что ситуация нормализуется. Словом, разрушители России тоже учли уроки Приднестровья и Абхазии и постарались впредь этого не допускать.

А тем временем из городов и станиц Чечни нарастал поток беженцев. Те, кто ушёл первыми, могли считать себя счастливыми – устроились в колхозах Ставрополя, Кубани. Следующим было труднее. Многие просто мыкались по вокзалам. И об этих беженцах ни правозащитники, ни телевидение даже не заикнулись, благоустроенных лагерей и гуманитарных раздач для них не было.

Об использовании казачества заговорили, когда началась война. Но был сформирован только один 694-й казачий батальон им. Ермолова. Его короткая история – смесь высочайшего героизма и гнуснейшего предательства. Казаков бросили в самое пекло, в Заводской район Грозного, где батальон сразу попал в засаду, понёс урон, но дрался храбро и бой всё же выиграл.

О ряде, мягко говоря, «странных» случаев казаки рассказали в замечательном видеофильме «Живи и веруй». Например: «Наш батальон взял Орехово. А по телевизору объяв-

ляют, что посёлок взят МВД без потерь, на самом деле мы потеряли 20 человек убитыми и 45 ранеными, из них 10 тяжело раненных. После этого нас перевели в район Шали, в это осиное гнездо, где находятся крупные бандформирования, где находится большое количество наших пленных, и мы получаем приказ не применять огня, вести себя лояльно, не останавливать проезжающие машины, хотя через действующие блок-посты проезжают и Масхадов, и полевые командиры. Когда мы действовали в Заводском районе, и когда на огонь, ведущийся с нефтяного завода, ответили массированным огнём, взвыла администрация, взвыло командование. Как потом выяснилось, акционерами этого завода являлись наши чиновники и бандиты».

Восемьсот казаков побеждали там, где не справлялись кадровые части. Дрались за Самашки, Старый Ачхой, Бамут. Десятки казаков отдали свои жизни, 140 получили ранения.

Станичники молились на батальон. Старушки просили: «Казаки, только не уходите!» «Не бросайте нас!» «Сынки, не оставляйте нас, чеченцы обещали нашей кровью руки мыть.»

А они не могли не уходить – их снова перебрасывали то туда, то сюда. В терском войске надеялись, что батальон будет развернут в полк. И знамя изготовили – 1-го Терского казачьего полка им. Ермолова (до революции его имя носил 1-й Кизляр-Гребенской полк).

Но, как говорил терский войсковой атаман Шевцов,

«некоторые должностные лица правительства и президента делали всё возможное, чтобы знамя это не вручать». Его всё же вручили. Однако вскоре ермоловцев вывели из Чечни и расформировали. Без объявления причин. А атамана Шевцова сместили.

А в это же самое время средства массовой информации целенаправленно охаивали и оплеывали казаков! Выходили передачи, статьи, книги о кавказской войне, где казаки представлялись хищниками и грабителями, захватившими земли у несчастных мирных горцев.

Словом, ату их! Ну а верховная власть организовала хасавюртовское предательство. И отдала все оставшееся в Чечне русское население на расправу «победителям» – 30 тысяч человек было вырезано, 300 тысяч стали беженцами.

Летом 1999 года зверски замучен последний русский житель станицы Шелковской: 90-летнего старика молодые «дипломированные» специалисты из учебных лагерей после долгих пыток зарезали ножницами для стрижки овец, видно, хотели растянуть удовольствие.

На Тереке шёл этот кошмар – а власть в Москве продолжала «игры» с казаками. И в 1995 году вышел указ «О государственном реестре казачьих обществ», где пояснялось, что по прошлым законам и указам казакам положены всякие блага. Но мало ли кто к казачеству примазался? Вот и надо выделить «настоящих». И закрутился новый виток. Казачьи организации отработывали и утверждали уставы, чтобы по-

пасть в реестр. Казаки заполняли декларации как госслужащие – и уже числили себя на службе.

Из общего количества около 5 млн казаков в реестр попало 647 тысяч (с членами семей). Пошла вторая волна постановлений и указов о целевом земельном фонде, финансировании, о казачьей форме и чинах – но теперь уже только для реестровых.

Однако единственным реальным итогом стал ещё один раскол казаков: на «реестровых» и «общественных». А из всех правовых актов в отношении казачества не был выполнен ни один! Оно не получило ничегошеньки. За отсутствием «механизма реализации».

И службы казаки тоже не получили. О «казачьих» частях много писали, восторгались, что там нет дедовщины и других пороков. Но потом как-то замолчали.

И количество таких частей, казачьих по названию и составу части призывников, стало исподволь сокращаться. Очень удачным был и эксперимент по невойсковой охране границы.

Например, после отделения Казахстана граница с ним стала «дырой», через которую хлынули наркотики, шайки грабителей, воровавшие всё подряд, даже пилившие на металлолом вышки высоковольтных линий. Прикрыть всю степь пограничниками было невозможно. В 1997 году привлекли казаков, 1780 человек.

Предоставили им только «гражданское оружие для само-

обороны», финансирование копеечное, по 500 рублей на человека в год. Но за 5 месяцев эксперимента было задержано 230 нарушителей, изъято контрабанды на 2 млрд рублей, 500 кг наркотиков, предотвращен угон крупных партий скота.

Уполномоченный по казачеству Правительства Москвы И.В. Ченцов сообщает: «Казачество встало поперёк этого грабежа до такой степени, что президент Казахстана Н. Назарбаев при встрече с Б.Ельциным ставит вопрос – отвести казаков от охраны границы. Кончился эксперимент, отчитались, попросили деньги на следующий – говорят: «Да хватит уже. Пусть воруют, лишь бы отношения не портились».

В результате перестроек и демократизаций казачество фактически потеряло целое поколение молодёжи – то поколение, которое росло под лозунги пропаганды «западных ценностей». Но примерно с 2005 года молодёжь снова потянулась в казачьи ряды.

Это наблюдается повсеместно, потому что подросло следующее поколение, в меньшей степени наглотававшееся идеологической отравы, но прекрасно видящее её результаты.

И если такие молодые люди, даже и совершенно не казачьего происхождения, обращаются с вопросом: «А можно ли стать казаками?» – настоящие казаки их не оттолкнут и не прогонят. Примут в организацию, будут обучать вместе со своими казачатами и малолетками – ведь в наше время казачьи дети и внуки тоже очень редко получают достаточную подготовку от отцов и дедов.

Словом, выработалась та же самая система, которая существовала у казаков до XVIII века, а у запорожцев, кубанцев и терцев до XIX: родовое казачество является костяком, носителем духа и традиций, а обрастать этот костяк может как за счёт потомственных казаков, так и внешнего притока.

Особенные нападки со стороны «прогрессивной общестственности» вызывают такие элементы казачьих традиций, как чины и форма. Кстати, в центре Москвы сейчас каких только экзотических нарядов не увидишь, это давно уже никого не шокирует.

Но вот казачья форма почему-то оказывается жутким раздражителем. Тут же появляются ярлыки «ряженые», в средствах массовой информации раздаются вопли о том, что казаки напяливают мундиры несуществующей армии, навешивают сами себе несуществующие генеральские и офицерские звания...

Чем занимаются казачьи структуры? В разных войсках ситуация различается. В Приднестровье черноморское войско стало составной частью вооруженных сил республики. На Украине государственная власть декларирует поддержку казачества, старается вести с ним совместную работу.

Но и без государственной поддержки очень активно действует Крымский казачий союз, он стал, по сути, оплотом русского населения Крыма, успешно противостоит и татарскому экстремизму, и украинскому национализму, борется с присутствием войск НАТО.

В России государственная служба казаков сведена к обычной службе призывников и контрактников. Но ведь казак, по самому своему званию, служит всю жизнь. Его призывает Господь и отставку дает Господь. А уж в наши дни понятие казачьей службы стало куда шире, чем только «государственная». Точно так же, как её понимали наши предки, это служба вере православной, народу, земле, казачьему братству.

Разве не была казачьей службой, например, работа атамана Грозненского отдела терского войска Г.Н. Галкина, пытавшегося защитить русское население в Чечне, отдавшего свои силы на эвакуацию и устройство беженцев?

Разве не на казачьей службе безвременно оборвалась жизнь помощника кубанского атамана И.П. Пузикова, спасшего из чеченского рабства 42 человека, боровшегося с рыбной мафией и чиновниками, распродающими Азовское побережье?

Разве не были напряжённейшей казачьей службой творчество, политическая и общественная деятельность народного художника России В.М. Клыкова?

Если старик, забыв про недуги, идёт передавать молодежи опыт и традиции, это его служба. Если казак-предприниматель на свои средства создаёт музей, реставрирует памятник, если принимает и устраивает на своём предприятии казаков-беженцев, безработных, разве это не служба?

Если казаки владеют крупным рынком, а на вырученные средства создают и содержат великолепный учебный центр

для подготовки призывников в погранвойска, это что, не служба?

А работа по самой организации, поддержанию и развитию казачьих структур? Создаются казачьи земледельческие и скотоводческие хозяйства – без всякой государственной поддержки, наоборот, преодолевая массу препятствий, на собственном упорстве и энтузиазме.

Они носят «очаговый» характер, но успешно функционируют в различных регионах. В городах действуют казачьи фирмы и предприятия.

Издаются казачьи газеты и журналы – за свой счёт, безвозмездным трудом редакторов, фотографов, корреспондентов. Во многих местах заслужили прекрасную репутацию казачьи кадетские корпуса, кадетские классы. И родители считают удачей пристроить детей в такие учебные заведения.

Если в целом попытка превратить казаков во вневедомственную охрану и дружинников не состоялась, то в определённых случаях и это оказывается нужным. Существуют структуры, взявшие на себя охрану храмов Божьих, монастырей. Есть организации, занявшиеся природоохранной деятельностью, создавшие казачью егерскую службу.

В Оренбуржье, Сибири, где из-за развала промышленности люди стараются выжить подсобными хозяйствами, огородами и дачами, не знают, как благодарить казаков, занявшихся охраной этих хозяйств от наплыва воров и грабителей.

А во многих станицах Кубани и Ставрополя при нехватке милиции казачьи дружины оказываются единственной эффективной силой, поддерживающей законность и порядок. Казаки ведут военно-патриотическую работу со школьниками, студентами, тесно контактируют с церковью, оказывают помощь нашим братьям, попавшим под власть антирусских режимов «ближнего зарубежья».

Но плодотворно сотрудничают и с российскими государственными структурами – если для высшего эшелона власти казачество считается «лишней обузой», то на других уровнях и в силовых ведомствах, и в органах администрации есть патриоты и честные, здравомыслящие люди, понимающие пользу совместной работы.

Ну а казаки к такой работе всегда готовы.